

Анна ЧЕРНЫШЕВА

Сотворить маленькое чудо...

Рассказы, сказка, миниатюры

**Новокузнецк
2017**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Анна ЧЕРНЫШЕВА

**Сотворить
маленькое чудо...**

Рассказы, сказка, миниатюры

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч 49

ЧЕРНЫШЕВА Анна Анатольевна

Сотворить маленькое чудо... : рассказы, сказка, миниатюры / Анна Чернышева ; составитель – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – 52 с.

ЧЕРНЫШЕВА Анна Анатольевна родилась 1 мая 1975 г. в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии. Инвалид. Передвигается на коляске. Достаточно тесное общение с КЛФ «Контакт» с 2001 года. Первая публикация – сказка «Босиком за Василисой» – в сборнике «Люди в квадрате: Проза "Контакта"» (Новокузнецк, 2004). В 2008 году Новокузнецким полиграфкомбинатом выпущена книга исторических и мистико-исторических рассказов Анны Чернышевой «Будущие воспоминания». КЛФ «Контакт» выпустил четыре книжки исторических и фантастических рассказов Анны, роман «Чужие боги» (2013) и роман «Звезда бессмертия» (2015).

Московским издательством «Авторская книга» выпущена книга исторических рассказов Анны Чернышевой «Женщина на корабле» (2013) и две детских книжки – «Весёлая зооазбука» (2013) и «Николкино лето» (2014).

Сэм

Январское утро блистало ослепительной белизной чистейшего, только что выпавшего снега. Ровненькие округлые сугробы были великолепны. Ещё не затоптанные миллионами сапог дорожки между ними лежали сказочно-чистые, подчёркивая, что рабочий день ещё не начался и хмурые работяги сладко спят. Пустой парк освещался только холодным сиянием фонарей.

Именно в этот неурочный час капризный рыжий кокер-спаниель Джек вытащил гулять свою молодую хозяйку. Она шла, сутулилась, куталась в свою серую шубку, надвинула капюшон на самый нос, бурчала нелестные эпитеты про своего пса и весь его хвостатый род, а пёс не слушал, носился вокруг хозяйки счастливый и бестолковый, только висячие уши развивались. Рыжий озорник смешно подпрыгнул, вдруг принялся разгребать пушистый снег, сунул туда нос, выставил свой коротенький хвостик.

Девушка подняла капюшон, невольно разулыбалась, наблюдая за его вознёй. Стали видны её красивые голубые глаза, длинные ресницы, прямой носик, милая улыбка. Хозяйку Джека звали Кристиной, и она уже начинала получать удовольствие от своей ранней прогулки. Город красовался забытой чистотой, мягкий морозец не щипал щёки. Утро дышало прозрачной свежестью.

Джек нашел что-то в снегу, схватил зубами.

– Фу! Фу! Брось! – зашлась криком хозяйка.

Пёс с обиженным видом засеменил к ней, сунул находку в подставленную ладонь, помахал коротким хвостиком и понёсся дальше.

На ладони осталась большая незнакомая монета, блестящая словно золотая. Кристина повертела её. Так и не смогла понять, из какой страны валюта валялась в сугробе. Узоры, буквочки загадочные, ни о чём не говорящие. Девушка сунула странную находку в карман, а радостный спаниель помчался дальше, только длинные уши болтались.

– Свобода! – донеслось с его стороны, вокруг никого не было, и невыспавшаяся девушка решила, что ей показалось.

Рыжий завалился на спину, дрыгал лапами, повизгивал от восторга, крутился в снегу. Вскочил на ноги, стал отряхиваться, пропал в снежном облаке. На дорожке появилась ещё парочка любителей ранних подъёмов: солидный мужчина и его утончённая длинноногая красавица борзая. Она вышагивала торжественно и неспешно, словно осознала всю свою живописность. Собака повернула к резвившемуся спаниелю свою удлинённую голову, посмотрела на него сверху вниз и рыкнула презрительно:

– Щенок!

– Я мушкетёров пересмотрела, – подумала благоразумная девушка.

А Джек, словно одумавшись, отбежал, сделал все свои собачьи дела и засеменил к хозяйке.

– Можно идти домой, – деловито скомандовал он, приблизившись.

– Джек, ты что, заговорил по-русски? – поразилась Кристина.

– Ха! – выпалил спаниель и объяснил снисходительно: – Я всегда говорил, это ты ничего не понимала. Только я не Джек.

– А кто? – совсем растерялась хозяйка.

– Я Сэм, – гордо изрёк спаниель.

– Почему Сэм?

– Самый эмоциональный малый! – замахал хвостиком рыжий.

– А-а... – глубокомысленно протянула девушка.

– Пошли, – скомандовал бывший Джек и затрусил рядом, гордый как на параде. Войдя в квартиру, Сэм ждал с важностью почетного гостя, пока Кристина разуется, потом скомандовал:

– Мыть лапы!

И девушка почувствовала себя дрессированной.

Зайдя на кухню, пёс громко возмутился:

– Где моя кость?

Кристина принялась торопливо извиняющимся тоном объяснять:

– Ты вчера загнал свою кость далеко в пыль, под диван. Я стала там мыть, достала её и выбросила.

Вместо того чтобы закатить обычную в таких ситуациях истерику, эмоциональный малый зевнул и согласился:

– Ладно, давай мясо.

– Но у меня только педигри.

Спаниель милостиво согласился отведать своей обычной еды и набросился на неё так жадно, словно не видел пищи неделю. Быстро покончив с содержимым своей миски, рыжий проследовал к дивану и вальяжно разлёгся на нём, раскидав длинные уши. Начинать вечную и напрасную нотацию о том, что диван – это место для гостей, у Кристины не было ни желания, ни сил. Она внезапно, каждой своей клеточкой вспомнила, что наступивший день – её выходной день. Ей сразу бесконечно захотелось вернуться в постель и спать, спать. Так она и сделала, успев, закрывая глаза, подумать только: «Так рано вставать в свой выходной – это безумие...»

Но не прошло и десяти минут, как безумие продолжилось оглушительным звонком в дверь. Девушка медленно и мучительно соскребала себя с кровати и, не в силах разлепить глаза, нащупывала тапочки, халатик, тяжело шаркала к двери, бурчала обиженно:

– Кто? Ну, кто примчался в такую рань?! Ежу понятно, что надо звонить заранее, предупреждать. Сплю я и гостей не жду...

Но утро привело не понятливого ежа, а всегда руководствующегося только своей весьма странной логикой дядюшку Игоря.

Он ввалился – грузный, шумно отдувавшийся, важный как всегда. Был очень похож на отца девушки, но его отличала тяжёлая нижняя челюсть,

выразительно выдвинутая вперёд. Как у мультяшного персонажа. Словно для ещё большего сходства в молодости дядюшка был бравым моряком.

– Ты что, спишь?! – громогласно поразился ранний гость.

Ответа он не ждал, стянул с себя тулуп и разулся, параллельно громко рассказывая:

– Я собрался в своей каюте, ну, комнате, то есть, сделать ремонт, привести её в порядок, так сказать. Но не тащить же мне всё самому? Вызвал такси.

– А что тащить-то? – сонно поинтересовалась племянница.

– Так плитуса, обои, всё такое.

– А где это всё?

– Не купил. Ничего я не купил, – дядюшка шумно высморкался в большой платок и продолжил возмущаться, – завёз меня – чёрт знает куда. Он не местный, видите ли. Магазин там маленький, бедный. Ни черта там нет чего мне надо. Обои дурацкие в цветочках, а я хотел...

– Корабли да карты? – улыбнулась Кристина.

– Откуда ты знаешь?! – весело сощурился дядюшка. – Конечно, корабли или хоть что-нибудь в этом духе.

– Проходите. Чай будете? – предложила Кристина. – Горячий чай, разумеется, не морской напиток, но для зимы очень подходящий.

– Охотно, охотно, – потёр руки бывший матрос.

Он зашёл и плюхнулся на диван, столкнув лежавшего там спаниеля и не преминув подчеркнуть:

– Терпеть не могу твоего пса. Зачем он тебе сдался?

– Сам дурак! – огрызнулся рыжий.

Гость брезгливо стряхнул шерстинку с дивана и фыркнул:

– Да он ещё и линяет. Гадость какая!

– Это я-то гадость?! – зашёлся лаем бывший Джек.

Девушка различила обиженные слова, но дядюшка ничего необычного не заметил. Девушка догадалась, что собак понимает только она. Кристина принесла чай и села в кресло. Гость отхлебнул и продолжил:

– Я этому странному таксисту велел ехать домой, а он завёз меня, чёрт знает куда, пришлось идти к тебе.

– Врун! – зашёлся лаем Сэм. – Тоже мне – черти где! Самый центр города. Он же сам велел сюда ехать, а теперь валит всё на таксиста. Чего припёрся?! – рычал рыжий пёс.

– Убери, убери его от меня! – замахал руками дядюшка. – Чего он разлалялся. Убери собаку.

Кристина наклонилась, погладила своего спаниеля, оттащила его от дядюшки, зажала между коленками.

– Спокойно, спокойно...

Пёс дёрнулся ещё пару раз и сел, прикинулся паинькой, с тупым видом высунул язык.

– Я что зашёл, – поставил чашку, вздохнул, взъерошил седые короткие волосы, воодушевился и начал, – есть возможность хорошо вложить деньги.

– Но мне нечего вкладывать, – пожал плечами девушка, – живу от зарплат до зарплат. У меня пока ничего нет.

– А как же квартира?

– Да что ж всем эта двушечка покоя не даёт?! – рассердилась Кристина.
– Вот, купил отец мне головную боль.

– Но это пассивы, а я предлагаю превратить их в активы, – принялся сыпать терминами незадачливый профессор экономики, – капиталы должны работать приносить прибыль. Пока ты молода, не обременена семьёй и детьми – самое время что-нибудь предпринять. Ну, зачем тебе эта квартира?

– Живу я здесь, – огрызнулась племянница.

Спаниель глупо крутил головой, смотрел то на хозяйку, то на её гостя, ничего не понимал, но почувствовал, что девушка сердится, решил грозно порычать. Гость с неприязнью глянул на пса.

– Вот, опять он на меня нападает, – пожаловался дядюшка Игорь.

– Это я ещё не начал, – угрожающе подался вперёд Сэм.

«Профессор» опасливо отодвинулся и продолжил:

– Я сразу брату говорил, что напрасно он деньги в недвижимость вкладывает. Деньги...

– Должны работать, – продолжила его любимую фразу племянница.

Рыжему окончательно надоел непонятный разговор, он высвободился и напустился на гостя.

– Начал с вранья, а теперь взялся поучать. Домой иди, домой. Ты мне надоел!

Экономист услышал только звонкий лай, но поспешно вскочил с дивана, засобиравшись. Напоследок ещё повторил наставительно:

– Ты подумай, подумай.

Кристина обещала подумать, и ранний гость, наконец, ушёл.

Едва за дядюшкой закрылась дверь, спаниель победно задрал голову, с брезгливой гордостью повернулся к двери задом и стал загребать даже следы неприятного человека.

– Больше не придёт! – заявил спаниель заносчиво.

– Не тебе это решать, – строго сказала хозяйка, – это вообще не твоё дело.

– Мое дело – гулять, хвостом вилять, – весело согласился рыжий, – пошли гулять! – потребовал он.

– Опять?! – возмутилась Кристина. – Мы только что вернулись с улицы.

– Ну, очень надо, – принялся озабоченно топтаться пёс.

– Быть этого не может, – сердилась девушка.

– Может, может, – жалобно заскулил спаниель.

– Не притворяйся.

– Я очень искренний, – уверял Сэм и горестно смотрел в глаза хозяйке.

Она сдалась, нехотя медленно стала обуваться. Замок на сапоге заел, заупрямился.

– Смотри, – укоряла хозяйка спаниеля, – всё, всё против того, чтобы я опять шла на улицу.

– Очень надо, – повторил Сэм.

– Но мы очень быстро, – строжилась девушка, надевая на пса поводок, – гулять не будем, только по делу.

– По делу, по срочному делу, – соглашался рыжий.

Из подъезда он вылетел пулей, бешено тянул поводок. Кристина еле попевала.

– Стой! Стой!

Спаниель спешил, тянул вперёд, даже хрипел.

– Да что с тобой такое?! – напрасно вопрошала девушка.

Вместо ответа Сэм рвался в парк. Ближайший сугроб его не привлёк, он тянул свою хозяйку дальше, дальше, к вечнозелёным большим и пышным елям. Девушка бежала следом за своим любимцем.

Внезапно рыжий замер, поводок ослаб.

– Здесь! – объявил Сэм.

Девушка не успела расспросить, что он имел в виду, из-под пушистой еловой ветви раздался тоненький жалобный голосок.

– Помогите, – мяукал котёнок.

Кристина наклонилась, отвела рукой колючий занавес, заглянула под ёлку. Возле шершавого ствола сидел крохотный серый пушистый комочек с большущими тёмными глазами. Он раскрывал маленький розовый рот, но звука уже почти не было. Мордочка у котёнка была тёмной, словно ему в нос дунули угольной пылью.

– Ну, чего смотришь, – возмутился Сэм, – забери ребёнка.

Кристина протянула руку, взяла мягонькое тёплое тельце, подняла, недолго думая, распахнула шубку, сунула котёнка за пазуху, прижала к груди.

– Он дрожит, замёрз бедный, – посочувствовала девушка.

– Не он, а она, – поправил её Сэм.

– Откуда ты знаешь?

Спаниель неопределённо фыркнул.

Они со своей неожиданной находкой заспешили домой. Кристина была растеряна, зато у её пса был такой вид, словно он выполнил сложную и опасную миссию.

– Но откуда же ты узнал про котёнка под этой ёлкой, – не выдержав, спросила девушка.

Пёс снова презрительно фыркнул, но объяснил:

– Просто услышал.

– Но ведь это так далеко, – поразилась хозяйка.

– Вы люди только называете себя венцами природы, а сами глухие и слепые, а нюх вообще... – Сэм выразительно закатил глаза.

Девушка невольно устыдилась, перестала спрашивать. Вернувшись домой, опустила согретшего котёнка на ковёр, разделась, побежала мыть лапы спаниелю. Про себя назвала свою новую жизнь

беспокойной семейкой, налила молока в блюдце, понесла кормить свою находку. Она нашла пушистую гостью там же, где её оставила, поставила перед ней молоко. Кошечка растеряно уставилась на него. Пришлось сунуть её туда мордочкой. Киска озадаченно облизала щёчки и розовый носик, распробовала и стала осторожно лакать. Кристина с улыбкой смотрела на неё и, когда блюдце осталось чистым, ласково спросила:

– А тебя как зовут?

– Не знаю, – жалобно откликнулась кошечка.

– Какое же имя тебе подходит? – задумалась девушка.

Кошечка подняла на неё глаза, большие похожие на спелые ягодки коричневого крыжовника, или... или...

– На бусины из самоцветов, – обрадовалась Кристина, – ты же Бусинка. Будешь Бусинкой... Бусей.

Киса потупилась, словно стеснительная барышня, и согласилась.

– Пусть будет Буся. Мне нравится.

– До чего же удобно понимать животных, – подумала хозяйка, – а то многие назовут каким-нибудь дурацким имечком, а потом удивляются, почему их команды игнорируют.

Застенчивая Бусинка как-то заволновалась, принялась заглядывать в углы что-то искать.

– Туалет? – обрадовалась своей догадливости девушка.

– Вся улица – туалет! – весело твякнул спаниель.

– Собака... – фыркнула Бусинка презрительно.

– Кошечки совсем другие, – назидательно произнесла хозяйка и позвала киску с собой.

– Пошли, покажу.

Пока котёнок перебирал коротенькими лапками по скользкому линолеуму, девушка зашла на кухню, прихватила большую коробку из-под пиццы, положила на пол в туалете. Кошечка сразу всё поняла и отправилась туда.

– Почему ей можно дома, а мне приходится мёрзнуть? – громко возмутился Сэм.

– А тебе хватит туалета, чтобы побегать? – хитро глянула на него хозяйка. – Ты же любишь гулять.

– Угу, – замахал коротким хвостиком спаниель, – я ни за что не соглашусь сидеть весь день дома.

– А я ни за что не соглашусь бегать по морозу, – заявила вернувшаяся Буся, – к счастью, мы совсем разные.

– Почему к счастью, – не понял пёс, – я же классный!

– Конечно, конечно... – лукаво согласилась Бусинка.

Спаниель не понял усмешки и очень довольный собой проследовал в комнату. А киса придирчиво обследовала его миску и не сочла достойной внимания. Зато большой тазик с водой её заинтересовал. Кристина наблюдала за ней и размышляла:

– Вот, сама не ожидала, оказалась хозяйкой сразу двух зверей. Всегда была уверена, что кошки у меня никогда не будет. И вот нате вам – котёнок. Чудеса, да и только. Ещё как они уживутся.

Кристина оставила киску в покое и отправилась поваляться в ванной, куда никак не могла добраться в этот суматошный день.

В тёплой ласковой воде она едва не уснула и выбралась побыстрее.

– А то так и утонуть недолго, – благоразумно рассуждала девушка, пока шумела феном, сушила волосы, – нахлебаюсь воды, утону, даже мои волшебные звери помочь не смогут.

Она завернулась в полотенце, вышла из влажного тепла. В квартире было подозрительно тихо. Хозяйка отправилась проверять, что натворили и куда спрятались четвероногие обитатели её дома. В коридорах и на кухне было пусто. Пропажа обнаружилась только на запретном диване. Звери сладко спали. Спаниель, как обычно, блаженно растянулся, раскидал свои длинные уши. А рядышком с его рыжим шерстяным боком лежала серенькая Буся. Они дружно сопели и вздыхали во сне.

– А я-то переживала, как уживутся мои кошка с собакой, – улыбнулась девушка.

И потекла обычная жизнь, суетливая в будни и сонная в выходные. Кристина заметила, что такая нелюбимая обязанность выползть на улицу каждое утро стала гораздо приятней, когда по возвращении их стала встречать не пустая и неудобная квартира, а хорошенькая мордашка соскучившейся кошки.

Одна за другой проскользнули зимние недели, снова настали выходные. На удивление Сэм позволил своей хозяйке выспаться, спокойно дождался, пока она проснётся, и только тогда запросился на прогулку. В результате и настроение у Кристины было лучше обычного, и погода казалась приятней. С неба сыпались крупные роскошные хлопья снега, кутали в шубы тёмные ели. Воздух благоухал лесной свежестью. Кристина вдыхала с наслаждением, улыбалась и получала от прогулки настоящий заряд хорошего настроения. Сэм крутился у её ног, совсем запутал поводок. Девушка наклонилась, освободила от него пса. Спаниель радостно завилял хвостиком, изрёк недавно освоенное им длинное слово:

– Благодарю.

И принялся подпрыгивать, ловить зубами снежные хлопья. Хозяйка звонко смеялась, глядя на него.

Постепенно снегопад стих, мимо по тротуару прополз фырчащий грейдер. Кристина обратила внимание на других прохожих. Шагали ссутулившись, низко опустив головы, хмурились, не замечали отличного денька. Такой же мрачный шагал мимо хозяин большой лохматой дворняги. Псина покорно соответствовала его пасмурному виду, склонила голову до самой земли; вдруг она заметила Сэма громко тяфкнула ему:

– Догоняй!

Встряхнулась и понеслась по улице, спаниель помчался за ней. Девушка совсем ничего такого не ожидала, захлебнулась криком:

– Стой! Стой! Фу! Сэм, ко мне! Сэм! Сэм!

– Жучка! Жучка, назад! – кричал хозяин дворняги.

– Сэм! Сэм, вернись немедленно!

Какой там, их больше никто не слышал. Собаки бешено с весёлым лаем неслись вперёд, стремительно обогнули грейдер, помчались дальше.

– Догоню! Щас догоню! – азартно кричал спаниель, но вскоре Кристина перестала его слышать.

Хозяева побежали за своими собаками, но улица резко свернула и беглецы пропали из виду. Преследователи остановились, переглянулись:

– Куда теперь?

Они разделились, бросились в разные стороны. Девушка нахvatалась ртом холодного воздуха, стала задыхаться, остановилась передохнуть, осмотреться. Дома вокруг сгрудились совсем незнакомые, похожие друг на друга. Она никогда не бывала в этих дворах. Машины, машины, подъезды, низкая арка, другой двор, такой же как прошлый, машины, подъезды, арка, ещё двор... Кристина поняла, что заблудилась сама, а спаниеля и след простыл. В отчаянье она стала метаться между прохожими, спрашивать у всех:

– Вы не видели здесь собаку, рыжего спаниеля? Спаниель здесь не пробегал? Вы рыженькую собачку не видели? Убежал только что. Он за большой дворнягой бежал. Не обратили внимания, тут незнакомых собак у вас не пробегало?

Люди спешили мимо, отрицательно качали головами. Другие останавливались, сочувствовали, оглядывались, но рыжий беглец никому не попадался. Кристина нырнула в грязную арку, забежала в другой двор, но и там было всё то же. Девушка измученно рухнула на едва торчавшую из снега скамеечку. В который уже раз обвела взглядом пустой двор. Сэма нигде не было.

– Какие эти дворы одинаковые, – с тоской подумала девушка, – деревья вырубил, клумбы под снегом, а может, и нет их. Кругом одни машины. Пусто здесь, мёртво. А мой живой весёлый, мой милый Сэм пропал. Пропал... – рвало сердце отчаяние.

Девушка сжалась, как воробушек, закрыла лицо руками и горько заплакала.

Время шло. Сиротский холод пробирался по спине.

– Чё ревёшь? – раздался совсем рядом хриплый наглый голос.

Девушка подняла зарёванное лицо, ожидая увидеть курящего долговязого подростка, и никого не увидела, опустила взгляд...

– Сэм. Сэм, миленький, нашёлся

Она бросилась обнимать, тискать свою рыжую пропажу, спросила только:

– Почему ты говоришь чужим голосом?

– Сорвал я голос, – уворачивался от нежностей спаниель, – пошли домой.

– Но я не знаю, куда теперь идти, – громко шмыгнув, призналась хозяйка, – я сама потерялась.

– Хорошо, что я тебя нашёл, – заважничал охрипший пес, – везде воняет бензином, следов не найдёшь, но твои противные духи я за версту почуюл. Терпеть их всегда не мог – дурацкий запах, а теперь он мне будет нравиться – сильный.

– погоди, – воспряла духом девушка, – я спрошу дорогу.

Она подошла к какой-то толстой тётке в норковой шубе, выгуливавшей на коротком поводке, словно щенка, своего неуклюжего карапуза.

– Как отсюда на ближайшую улицу выйти?

– Вам на какую? – уточнила тётка.

– Да на любую, лишь бы выбраться из дворов.

– Тогда вам лучше пройти между этими домами, мимо школы, там сориентируетесь.

– Сориентируюсь, – весело заверила Кристина и заспешила домой, на всякий случай пристегнув своему спаниелю поводок.

Обратная дорога оказалась на удивление неблизкой. Сорвавший голос Сэм молчал и семенил с виноватым видом рядом с хозяйкой.

Родной дом им обоим показался особенно красивым и уютным. Кошка встретила их у самой двери. Обиженно выгибала спинку и дёргала хвостом из стороны в сторону.

– Что так долго? – напустилась она на пришедших. – Обещали на часок, а сами бродили больше двух.

– Можно подумать, ты по будильнику следила, – буркнул Сэм совсем тихо.

Буся услышала, парировала:

– Мне ни к чему будильник. У кошек есть свои часы. Мы все прекрасно чувствуем время.

– Просто мы потерялись, – горячо принялся рассказывать пёс.

– Что – оба? – флегматично уточнила Бусинка.

– Оба.

– В одном месте?

– В разных почти.

Сэм стал сбивчиво рассказывать, подпрыгивать, вилять хвостом.

– Хорошо, что всё обошлось, – произнесла домоседка искренне и велела строго: – Отправляйся мыть лапы, неизвестно, где ты бегал.

Сэм на недоверие не обиделся и покорно отправился в ванну, потом растянулся на любимом диване, сладко зевнул и изрёк:

– Хоум свит хоум.

– Ты ещё и по-английски говоришь? – поразилась Кристина.

– Нет, конечно, – потянулся рыжий спаниель, – но ты так часто говоришь эту фразу, что я и запомнил.

Мирно без происшествий потекли будни, пока не приблизилась суббота, и пятничный уютный вечер не встревожил звонок в дверь. Кристина неохотно отправилась открывать. На пороге снова стоял бывший бравый моряк.

– Завтра всё едем ко мне на дачу, кататься на лыжах, – тоном, не терпящим возражений, объявил он.

– Кто это мы? – уточнила девушка.

– Я, твои родители и ты, разумеется.

– На чём едем, дороги замело.

– Я прямо сейчас с приятелем на его внедорожнике, растоплю печь, прогрею дом, а вы с родителями завтра утречком на электричке.

– Во сколько электричка?

– Полседьмого.

– Значит, вставать придётся полшестого? – ужаснулась девушка.

– Лучше пораньше, – неумолимо заявил дядюшка, – автобусы ходят плохо.

У Кристины дар речи пропал от негодования. Она беззвучно раскрывала рот, хлопала глазами, спаниель вертелся у ног, девушка посмотрела на него и воскликнула:

– Значит, мне придётся ещё раньше вставать, чтобы выгулять собаку, и завтра придётся приехать раньше, чтобы вечером успеть погулять с Сэмом. Ведь с собакой в электричку не сунешься. Она с утра переполнена.

– Говорил я тебе – из-за этого пса одни проблемы! – подчеркнул профессор.

В комнату в это время проникла на мягких лапках пушистая кошечка.

– Ещё и это?! – бессильно опустил на диван дядюшка. – Ну, смотри, решай сама, а я чего заехал-то, ты как-то говорила, что у тебя макулатуры много, а мне как раз печь разжигать нечем и в поддувало надо, и вообще долго дом не топили. Чтобы разгорелось лучше, пока ещё дрова займутся.

– Там в углу лежит старый деревянный чемодан. Всё там, – отмахнулась племянница.

Сэм презрительно уселся посередине ковра, задрал заднюю лапу, принялся чесать ею за ухом, глубокомысленно обратился к хозяйке:

– Не хочу толкаться в электричке.

– Ты никого не затолкаешь, – возразила Кристина.

– Зато меня все толкают. Знаешь что, поехали на машине.

– А в вашем внедорожнике найдётся место для нас? – воодушевилась девушка.

– Разумеется, разумеется. Автомобиль огромный, – обрадовался бывший моряк.

– Мы едем сейчас с вами и обойдёмся без ранних подъёмов и электричек, – объявила Кристина.

– Вот и правильно, – одобрил дядюшка, – там и отоспишься, на свежем воздухе хорошо спать. Тогда я позвоню брату, а ты быстрее собирайся.

Девушка покидала в сумку вещи, напялила свой ярко-розовый лыжный комбинезон и побежала на кухню. Выложила в миску побольше корма для Буси, налила в её любимый тазик свежей воды, загрузила в

большой пакет еду для спаниеля, для себя картошку, колбасу, хлеб, пачку масла да заварку и сахар. Деловито огляделась, прихватила ещё горсть карамелек и десяток мятных пряников.

– Всё! Я готова! – объявила она, вручая дяде тяжёлый пакет.

– Идём быстрее, – только и сказал бывший моряк.

Кристина послушно поторопилась, но невольно замерла, встретив тоскливый Бусин взгляд.

– Ты что, боишься оставаться одна? – спросила девушка у крохотного котёнка.

– Боюсь, – призналась Бусинка тихонько, – я ещё маленькая.

Кристина растерялась, до сих пор всё так гладко складывалось, а теперь, что делать?

– Ты что, хочешь ехать с нами?

– Не стоит, – благоразумно вздохнула киса.

– Ты же кошка, – увещевала хозяйка, – тебе лучше оставаться дома.

– Да, да, – едва слышно вздыхала Буся, – только страшно.

– Кончай сюсюкать со своим котёнком, – торопил дядюшка, – поехали.

Кристина погладила кису, прицепила поводок спаниелю, бросила оптимистичное: – Не грусти! – и побежала догонять бывшего моряка.

Машина ждала внизу, большая, мощная, чёрная – настоящий внедорожник, всем своим хищным обликом похожий на военную технику. Девушка поспешно села в высокий вместительный салон, помогла забраться Сэму. Мощно взревел мотор, и автомобиль сорвался с места. Солидный водитель был немолод, хмурил свои клочковатые брови, мрачно молчал всю дорогу. Молчали и радио, и пассажиры. Даже беспокойный пёс затих, перестал вертеться. Девушке оставалось только грустно смотреть в окно, а за ним почти совсем ничего не было видно. Редкие фонари плохо разгоняли зимнюю темень. К тому же тонированные стекла только прибавляли мрачность. На такой машине до дачи оказалось рукой подать. Высадив пассажиров, большой внедорожник помчался дальше.

Всё засыпал, зарывнял снег. Домик у моряка был совсем маленький, спрятался под развесистой рябиной, на тяжёлых гроздьях которой покоились пушистые снежные шапки. Кристина осталась прогулять своего нервного пса, а дядя отправился воевать за тепло, как он сам гордо окрестил свой процесс растопки печи.

Впечатлившись кромешной тьмой и мало знакомым местом, пёс жался к крыльцу и не пытался убежать.

На улице холодно не было, но девушка очень обрадовалась теплу и уюту, войдя в дом. Ласково потрескивали дрова, приятный жёлтый свет от лампочки заливал кухоньку, падал на клетчатую клеёнку большего обеденного стола, на вазочку с румяными сушками.

– Откуда у нас сушки? – поразилась Кристина. – Я же не брала с собой.

– Вот что, значит, племянница привыкла рассчитывать только на себя, – усмехнулся дядюшка, – ты и позабыла, что я тоже здесь и люблю пить чай.

Сэм прошмыгнул у ног хозяйки, сразу улёгся возле тёплой печки, даже язык высунул от удовольствия.

– Садись, – махнул рукой бывший моряк, – повечерим, почаёвничаем.

Девушка несколько потеряно опустилась на длинную лавку, обеими руками взялась за приятно горячую кружку со сладким чаем. Дядюшка улыбался, потчевал племянницу морскими байками, случившимися то с ним самим, то с кем-то ещё. Вечер обнимал приятной заботой и радостью.

Свой неказистый домик бывший моряк гордо именовал каютой, пыльные никогда не открывавшиеся окошки – иллюминаторами, деревянный пол – палубой. Зато штурвал у него на стене красовался самый настоящий. И в его небылицы легко верилось, уже начинало казаться, что палуба ритмично раскачивается в такт волнам и снаружи не белая зима, а синее море. Горожане сами не заметили, как время перевалило за полночь и хриплая кукушка в старых часах с маятником, устала отсчитывать часы.

– Команда, пора по шконкам! – зычно объявил обладатель тяжёлого подбородка.

Сэм уже давно спал, только лапы иногда подрагивали.

– Я тоже так хочу! – сладко зевнув, поняла Кристина.

В каюте нашлась пара достойных кроватей, подушек и одеял. Засыпая, девушка блаженно улыбалась...

Её резко разбудил истошный крик Сэма:

– Проснись! Кристина, проснись! Угоришь! Умрёшь! Проснись быстрее!

Она лениво отмахнулась

– Отстань!

Но пёс не отстал, схватил её зубами за руку. Он подпрыгивал, дёргал одеяло, даже пытался запрыгнуть на высокую койку.

– Проснись! Открой глаза!

Девушка с трудом разлепила тяжёлые веки. Она стала растерянно моргать. Вокруг была чёрная беспросветная тьма, да ещё и плотный сизый туман или дым... она резко села на постели.

– Дым!

– Задохнёшься! Умрёшь! – отчаянно вопил Сэм. – Просыпайся! Вставай, буди дядю! – требовал спаниель.

– Что случилось? Пожар?

– Нет! – сердился пёс. – Печка дымит. От угля угар. И без пожара надышишься, умрёшь! – тянул хозяйку к выходу спаниель, – на воздух! Дышать скорей.

Его оглушительный лай разбудил и дядю. Он сразу понял, что случилось, толкнул племянницу к выходу.

– Уголь... надышимся... беги на улицу.

Кристина вскочила на ноги. Бросилась на веранду, там дышалось легче. Девушка поспешно сунула ноги в сапоги, схватила шубку и вылетела на крыльцо. За ней через распахнутую дверь выползли сизые

клубы. Моряк то ли открывал, то ли выламывал свои иллюминаторы, громко надрывно кашлял. Появился на крыльце в косматом тулупе и огромных валенках, похожий среди серых дымных клубов на сказочного лешего. Глаза у девушки слезились, и всё смутно расплывалось. Дядя добрёл до столба, включил уличный свет. Мир раскрасили золотые лучики. Горожане стояли, кашляли, смотрели, как расплывается, становится прозрачней сизый дым. Сэм сидел в снегу, чихал, тёр нос лапой. Дядюшка наклонился, погладил пса.

– Герой! Настоящий герой! Спасибо, спас всех нас. Теперь и я вижу, что без тебя никак нельзя.

– Сэм – молодец! – с гордостью поддержала хозяйка.

– А почему Сэм? – озадачился бывший моряк. – Мне помнится, его как-то по-другому звали.

– Он Сэм, только Сэм, – строго подчеркнула девушка.

– А я знаю, почему Сэм, – неожиданно рассмеялся строгий профессор. – Серьёзный энергичный молодец.

– Пожалуй, пожалуй, – милостиво согласился спаниэль, – пропали бы вы без меня.

Благополучно избежав беды, Кристина была так счастлива, что не могла ограничиться привычной английской фразочкой, едва разувшись, подхватила Бусинку и закружила её по комнате.

– Что с вами произошло? – сразу всё поняв, серьёзно спросила домоседка.

Сэм бросился горячо рассказывать. Он подпрыгивал, громко кричал, демонстративно чихал и тёр лапой нос. Киса внимательно слушала, не перебивала, потом вздохнула:

– Я знала, чувствовала, что с вами что-то случилось.

– Я всех спас, – заважничал спаниэль, – даже строгий профессор признал, что я герой. Он сказал, что я серьёзный и энергичный.

– Гордись! – посоветовала Буся.

И пёс гордился, ступал солидно и важно, позы принимал живописные, а киса над ним издевалась. Забралась на высокий холодильник и взирала на него сверху вниз. Он совсем несолидно принялся прыгать, пытался её схватить, кричал:

– Слезь! А ну, слезь!

Кошка выгнулась, зашипела:

– Дурак!

Задрала заднюю ногу и принялась вылизываться, тогда пёс сделал вид, что игра ему надоела, подбежал к хозяйке, стал кланяться:

– Гулять! Гулять!

– Рано! – возразила девушка.

– Гулять, гулять! – надоедал Сэм.

Кристина уступила. Пёс так суетился и торопил, что она даже забыла перчатки. На улице царил роскошный зимний вечер. Крупными хлопьями шёл снег. Весь парк нарядился в праздничные уборы. Сэм радостно

петлял между ёлками, подпрыгивал и вертелся. Кристина сунула озябшую руку погреться в карман, нащупала там забытую находку, достала большую монету рассмотреть сложный узор – то ли хитрый славянский орнамент, то ли арабскую вязь. Тяжёлая монета выпала из пальцев в снег. Девушка стала разгребать его, искать, но всё напрасно. Удивительная монета пропала, исчезла, растаяла в воздухе.

Под ёлками громко лаяли собаки. Кристина больше не слышала ясных слов. Чудо кончилось, но теперь девушке всегда казалось, что она отлично понимает своих питомцев.

Кто есть кто

Даша – симпатичная рыжеволосая девушка, лет шестнадцати, худенькая, с большим ртом и широко распахнутыми голубыми глазами, порхала по городу как бестолковый мотылёк. Каждый новый день казался ей забавнее предыдущего. Всё вокруг было восхитительно: весна, усыпанные цветами яблони, первые нежно-салатовые листочки, пьяные от тепла воробьи. Пропавшие с улиц грязь и лужи позволили девушке надеть новёхонькие модельные туфельки, а светлый баснословно дорогой плащ переполнил чашу её восторга. Даша не могла и не хотела прогнать с лица беспечную улыбку. Совсем недавно зимой, увидев человека в таком состоянии, она сама бы покрутила у виска, но теперь...

Как мало надо для счастья! Голубое небо, жёлтое солнце и чувство влюблённости. До назначенной встречи оставалось ещё четверть часа, и девушка не спешила, медленно шла по парку, глазела по сторонам.

– Ужас! Кошмар! – завопила она вдруг. – Ненавижу птиц! Кто дал пургена этому голубю?!

Новенький почти белый плащ был безнадежно испорчен. На плече, словно погон, красовалось большое пятно.

– И как это всё умещалось в маленькой птичке?! – в отчаянии вопрошала небеса Даша.

Ответ последовал отвратительный своей логичностью. Над парком кружилась не одна птичка. И ведь летела мерзкая жидкость вроде бы мимо, но умудрилась-таки приземлиться на рукаве.

– Сволочи! Сволочи!

Девушка готова была подпрыгнуть, поймать злополучного голубка, ошипать и голым отправить выпрашивать у старушек семечки. Подумать только, ещё минуту назад она так гордилась дорогой нарядной вещью. Даша полезла в карман в надежде достать какую-нибудь ненужную бумажку, но в первый раз надетой вещи оба кармана были девственно чисты. Девушка рискнула сорвать на зелёном газоне широколистную травку и попыталась стереть небесные кляксы. Получилось ещё хуже.

Пятна приобрели зелёный оттенок. Осталось только одно. Горько вздохнув, Даша сняла плащ, аккуратно свернула и повесила на руку. Прохладный ветерок сразу полез под лёгкую сиреневую кофточку.

– Зябко, – не удержалась от комментария она, одёргивая короткую чёрную юбку.

Девушку поддерживала только одна надежда на то, что её муки не видела ни одна живая душа.

Заветная лавочка, уютно прятая в тени огромного тополя, была пуста.

– Мог бы придти и пораньше, – посетовала девушка, – не кисейная барышня, чтоб опаздывать.

Она присела на скамейку, мимо спешили люди, чинно проплывали мамы с колясками, пронеслись велосипедисты. Тень казалась Даше всё менее уютной. Она приглядела прямо напротив свободную скамеечку, залитую тёплым жёлтым солнышком.

«Пойду туда, – решила лишившаяся плаща модница, – какой смысл мёрзнуть, там я точно не буду незаметной».

Она достала сотовый, посмотрела время, убедилась, что Павел опаздывал уже на полчаса, набрала его номер и неожиданно решила проявить принципиальность, не звонить. Рассерженно встала, решительно направилась к заманчивому местечку. Плюхнулась на самый край и с ужасом почувствовала, как скамейка наклонилась, и дальний свободный конец быстро поднялся над землей.

– Мне осталось только свалиться, день будет испорчен окончательно! – воскликнула девушка, осторожно двигаясь к середине скамейки.

Вернувшееся равновесие уже не могло восстановить радужного настроения. У Даши ещё оставалась слабая надежда на то, что Павел только опаздывает и всё-таки появится, и она попыталась как-нибудь скоротать время ожидания. Очень аккуратно встала со злополучной «качели», с независимым видом прогулочным шагом дошла до стоявшего рядом киоска. Обвела ленивым взглядом его содержимое, выбрала, купила один пёстрый журналчик. Вернулась на залитую солнцем лавочку, полистала, скучая, наткнулась на очередное продолжение какого-то длинного рассказа. Не имея представления о том, с чего он начинался, стала читать, что было.

«...молнии металась по грозовому небу, кони храпели, рвались вперёд. Мгновение, и два рыцаря преломили свои копыта в честь прекрасной дамы. Чёрный всадник рухнул, сражённый метким ударом противника, только голубая вспышка осветила помчавшегося без него вдаль жеребца...»

– Эх, где теперь такие рыцари?! – вздохнула девушка. – Мои современники, наверное, вовсе не способны на подвиги. Вот бы узнать, кто какой на самом деле, – размышляла она.

Дашу поразило странное ощущение – земля качнулась и ушла из-под ног, где-то под ложечкой появился тревожный холодок, чем-то похожий на

чувство невесомости. Девушка подняла глаза от колоритной картинки с рыцарями и застыла от ужаса. Парк, только что окружавший её, разом исчез, не было ни лавочки, ни пыльной дорожки, ветки тополей, нависавшие над головой, стремительно неслись мимо, пропадали где-то внизу. Она ничего не могла понять. Обнаружила, что сидит на дне большой квадратной корзины, вокруг её плетёных стенок кружевная зелень уже сменилась ясной голубизной. Даша рискнула задрать голову и рот разинула от удивления. Её корзина висела под самым настоящим воздушным шаром, громадным как целый дом, похожим на раскрашенную полосатую луковицу. Из незнакомого девушке устройства вырывался огонёк пламени, наполняя купол тёплым воздухом. Шар стремительно поднимался, становилось всё холоднее; начавшая стучать зубами девушка решила-таки пошевелиться. Она развернула плащ, забралась в один рукав, надела второй, изо всех сил почему-то стараясь двигаться незаметно.

– Наплевать, что плащ испорчен. Кто меня видит?! Я здесь совсем одна, – бормотала она, – одна! Одна! Одна!

В этом слове было столько ужаса, у Даши дыхание перехватило, она зажмурилась... В этот миг корзину тряхнуло, словно в неё упало что-то тяжёлое; снова настала полная тишина, и девушка решила открыть глаза, сначала левый, потом правый. Она поражённо уставилась в противоположный угол корзины.

– Ты?!

Этот вопль вырвался и у Даши, и оказавшегося напротив неё худощавого парня. Если замёрзшая путешественница сжалась в комочек, то он наоборот сидел, широко разбросав руки и ноги. Тряс головой, дико озирался. Девушка не верила своим глазам. Это точно был Павел. Его сугулая фигура, его большой нос, его серые глаза, волосы цвета грязной пшеницы, белая футболка со знаком анархии, синие джинсы.

– Паша? – всё ещё не верила она.

Он замахал на неё руками как на дурное видение и выкрикнул раздражённо:

– Нет! Это не я, я сплю дома в своей кровати.

– Спишь?! А как же... – беспомощно вздохнула Даша, – а я тебя ждала...

– Вот, дождалась, дура, – огрызнулся он.

Девушка готова была расплакаться. Обманутые надежды рвались из груди громкими всхлипами.

– Ну да, да, я проспал, проспал! Ну, погуляли мы вчера до утра, ну, напились. Теперь вот снится с перепоею всякая дрянь, – тихонько добавил он.

– Я не дрянь! – всхлипывала Даша.

– Какая разница, ты мне только снишься, – отмахнулся парень, – нет, чтобы приснилась какая-нибудь жгучая красавица.

– Значит, я – некрасивая!

В сердце девушки проснулась гордость, вдруг стало легко и весело.

– Так это только сон, а во сне всё возможно! – воскликнула она.

Неожиданно для самой себя вскочила на ноги, схватила Павла за его любимую белую футболку, решительно дёрнула – он безвольно поддался, не успев сообразить, что она делает, – перевалила его через край корзины и отпустила.

– Учись летать, – зло напутствовала она, проводив взглядом падавшего.

С диким криком он камнем помчался к земле. Яркая зелень была смутно видна сквозь облака, где-то очень далеко. Даша спокойно вернулась на своё место.

– Всё равно ничего ему не будет, он дома, спит! – бурчала она. – А я?!

Девушке опять захотелось плакать. Станный сон не кончался и всё меньше ей нравился. Холодно, непонятно, одиноко. Шар продолжал своё неумолимое движение.

– Если это сон, – задумалась путешественница, – то где я на самом деле? Неужели в парке на скамейке? Прелестное зрелище! – поморщилась она. – Но это объясняет, почему мне холодно. Вот если бы всё было настоящим, то шар постепенно остывал бы и спускался к земле.

Словно подслушав её рассуждения, мягко, но довольно быстро воздушный шар сменил направление и поплыл вниз. Даша чувствовала себя как в скоростном лифте, отсчитывавшем этажи от двадцатого к первому. Громадный шар над головой перестал казаться упругим, на его ровных боках появились длинные морщины, луковица исхудала до веретена, а весёлый огонёк вовсе погас.

– Падаю, – безрадостно констатировала девушка, – что же теперь будет?!

В голове пронеслись картинки с упавшими воздушными шарами из фильмов, вспомнился «Затерянный остров» и даже «Приключения Незнайки», но веселее не стало.

– Скорей бы проснуться, проснуться, проснуться, – твердила девушка.

А шар ласково, как пушинку, опустил корзину на траву и сам разлёгся рядом на поляне. Даша боялась пошевелиться, не зная, чего ожидать теперь, но весёлые насекомые не позволили ей долго сохранять неподвижность. Не прошло и пары минут, а путешественница уже энергично отмахивалась от комаров и мелких мошек. Даша спаслась бегством, поспешно выбралась из корзины и бегом припустила, куда глаза глядят. Остановилась только домчавшись до высокой берёзы. Модельные туфли не были предназначены для таких забегов. Девушка сняла обувь, вытрясла из неё мелкие камушки, колкие веточки, комочки земли. Давно не бегавшая горожанка тяжело дышала, голова кружилась от напоенного лесной свежестью воздуха. Вверху мощно шумели высокие деревья, лес наполняли птичьи голоса: пение, свист, чириканье. Даша провела пальцем по берёзовому стволу, подивилась его нежной гладкости и белизне. Ветер играл оторвавшимися от коры тонкими, как бумага, полосочками.

Девушкой завладела блаженная безмятежность. Все мысли и тревоги унесло лёгким ветерком. Даша стояла, улыбалась, широко распахнутыми глазами смотрела вокруг.

– До чего же хорошо, – прошептала она.

Внезапно негу прогнало жуткое смятение. На идиллическом фоне свежего весеннего леса, она увидела... Павла. Живой и невредимый, всё в той же анархической футболке и джинсах, он лениво шагал к поляне, наклонился, сорвал травинку, сунул в рот, словно длинную сигару, взъерошил волосы, почесал макушку и разулыбался, увидев Дашу.

– Ты чего такая ошарашенная? Углядела что-нибудь не то или на ежа наступила?

– Я... ты... как ты сюда попал?!

– Станный вопрос, как все нормальные люди – на автобусе. Друзья позвали на рыбалку, да перепились, ну их, всё равно не клюёт. Места здесь классные.

– На автобусе, – почти разочарованно вздохнула девушка.

– Можно подумать, есть ещё какой-нибудь способ, – рассмеялся Павел.

– Только не ври, что ты сюда пришла пешком. Ни за что не поверю, что ты турист. В таком виде по походам не шастанут.

Растерянность девушки медленно проходила. Припомнились недавние слова про сон.

– Вот он и кончился, – тихо порадовалась она, – не помню, как сюда добралась, но главное – я проснулась.

– Что ты там бормочешь? – любопытствовал парень, подходя ближе.

– Выспался, опоздаец?! – Даша вспомнила, с чего всё началось.

– Куда ж это я опоздал?

– Даже не помнишь! А я ждала тебя в парке!

– Главное – мы встретились, – благодушно рассудил парень.

– А где мы? – наивно спросила путешественница.

– Ну, ты совсем плохая! – расхохотался рыболов. – В лесу.

– Это я вижу, – вздохнула Даша.

Она внимательно разглядывала лежавшую перед ней полянку и невольно удивлялась, не находя на ней ни малейших следов огромного воздушного шара. Павел тем временем подошёл совсем близко, щёлкнул пальцем по свежему пятну на Дашином плаще.

– Не люблю летунов, – философски заметил он, – вечно сверху прилетит какая-нибудь дрянь.

Девушке вдруг ярко вспомнилась картина недавнего его эффектного падения.

– Да, что только сверху не падает, – пробормотала она и предложила:

– Ну, раз уж ты здесь ориентируешься, пошли поищем людей.

– Честно говоря, здесь мне известно местонахождение только нескольких непотребно пьяных экземпляров, – хихикнул Павел, – а трезвых пошли искать вместе.

Даша рада была забыть свои недавние злключения, благо от них остались только пятна на плащике, и с радостной улыбкой шагала рядом со своим парнем. Им не попадалось ничего даже отдалённо напоминавшего

дорогу. Между светлых берёзовых стволов поднимались густые сочные травы.

– Если бы я не знал, что город где-то совсем рядом, подумал бы, что здесь не ступала нога человека.

– Ага, – блаженно улыбаясь, кивнула Даша.

Путники остановились, девушке хотелось раскинуть руки, кружиться, глядя в высокое голубое небо, но у её спутника настроение было прямо противоположное.

– Неужели тебе это нравится?!

Хмурый Павел ткнул пальцем в поднимающуюся впереди стену леса.

– Солнце, берёзки, зелень – красиво, – не понимала его раздражения девушка.

– Это сейчас солнце, тепло, а если мы заблудимся?! Мне такие развлечения на уикенд не нужны.

– Ты же сам говорил, что город близко, где-то здесь твои рыбаки, – умиротворённо рассуждала Даша, – кстати, они рыбачат на реке или на озере?

– Чёрт их знает, – огрызнулся Павел, – вода она и есть вода. Какая разница?!

– Вдоль реки всегда расположены города и поселки, а озера бывают старицами или...

– Вот только не надо лекций, – начинал закипать горожанин, – только твоей ботаники здесь не хватало! Неужели тебе не страшно?! Ходишь, улыбаешься как дура, говоришь всякую ерунду!

– И вовсе не ерунду, это может нам пригодиться, если...

– Какое ещё если?! Я жрать хочу! А ты мне что предлагаешь, кору глотать?!

Даша первый раз видела такую откровенную панику, конечно, если не считать видения с воздушным шаром. В её душе поднялось негодование и сильное желание опять выбросить Павла куда-нибудь. Видимо, он прочитал эту мысль в её ставшем холодном взгляде и спросил уже осторожно:

– Думаешь, не всё так плохо?!

– Всё ещё хуже, – мрачно заметила она и решительно отвернулась от своего спутника, – я осталась в лесу наедине с трусом и паникёром.

На удивление Павел даже не стал спорить с такой категоричной оценкой его личности, он был только рад переложить поиск выхода из сложной ситуации на кого-нибудь другого.

– Ну, ты зверь, – решил отшутиться он.

– Не буди во мне зайца, – с угрозой в голосе сказала девушка, – покрошу на капусту!

Оба стали серьёзными и задумались каждый о своём. Даша старалась припомнить правила поведения в лесу, но в голове волчком крутился заяц.

– Нет, всё-таки я не заяц! – выдала она, наконец. – Я какой-то другой зверь.

– А я вообще не зверь, – жалобно заскулил Павел за её спиной, – я домашний, совсем домашний...

– Не зверь, значит, птица, – задумчиво бормотала девушка, – не птица значит, рыба... Нам надо найти твоих рыбаков! – громко воскликнула она.

– А я не знаю – где они...

– Надо вернуться, вспоминай, откуда ты шёл.

– Не знаю... здесь всё такое одинаковое.

– Тебе бы таблички с названиями улиц и номерами домов, – усмехнулась Даша.

В это время парень издал какой-то странный звук, словно крикнул или квакнул. Девушка посмотрела на него. Лицо паникёра вытянулось, побледнело, а пальцем он тыкал куда-то в сторону. Она посмотрела туда и замерла от удивления. На толстой столетней берёзе в нескольких шагах от путешественников красовалось совсем городская металлическая табличка, какие крепят на углу многоэтажек.

– «Ромашки, 13», – заворожено прочёл Павел.

– Это ещё что такое?

– Чья-то злая шутка, – угрюмо определил парень.

– Подожди, здесь мелом пририсована стрелка, – разглядела Даша, – интересно, что будет, если мы пойдём, куда она указывает?

– Окончательно заблудимся! – злился Павел.

– Не драматизируй, это же не дикая тайга где-нибудь за Уралом. Всего лишь небольшой лесок.

– С указателями для желающих заблудиться в трёх соснах.

– Ну, где ты видишь сосны?! Ещё никто не блуждал в трёх берёзах.

– Мы будем первыми.

– Ты как хочешь, а я пойду, посмотрю, куда указывает стрелка, – смело заявила Даша.

– Вот дура, – пожал плечами парень, – придётся идти с ней, а то...

– А то найду что-нибудь хорошее без твоего участия, – рассмеялась девушка, – а если ты ещё хоть раз назовёшь меня дурой, то я со всей дури врежу тебе по голове чем-нибудь тяжёлым и закопаю под ближайшей берёзой.

Не то чтобы Павел сразу поверил в её угрозы, но на всякий случай шагал молча. И в тот момент, когда его благоразумное терпение едва не уступило место ехидному «я же говорил», казавшийся бесконечным березняк резко кончился. Горожане стояли на высоком берегу чистой и звонкой речки и с удивлением разглядывали раскинувшуюся на другой её стороне аккуратную деревеньку.

– Вот тебе и «Ромашки», – восхищённо выдохнула Даша.

– Тебе просто повезло, – не сдавался упрямый пессимист. Он методично пересчитал домики: – Шесть и шесть, двенадцать.

– А тринадцатый в лесу, – улыбнулась его спутница.

– Странно всё это, – поморщился скептик, – ещё неизвестно, как нам перебраться через речку, здесь, похоже, глубоко, да и течение.

Девушка с высоты всмотрелась в изгиб полноводной преграды и воскликнула:

– Не брюзжи! Если тебя не устраивает крепкий деревянный мост, можешь переплываться вплавь, дело твоё, а я пошла!

Эти её весёлые слова нагнали на Павла ещё большую мрачность. Не любил он оказываться неправым и моста он никакого не видел, и знакомиться с жителями странной деревеньки вовсе не хотел. Пока он дулся и выдумывал, чтобы ещё сказать по этому поводу, жизнерадостная горожанка отыскала небольшую вившуюся змейкой тропинку и стала спускаться к реке. Раздосадованный Павел отправился её догонять. Даша бежала легко, вприпрыжку, и узкие туфли не мешали, словно превратились в удобные кроссовки, зато её спутник запинался о какие-то корешки, поскользнулся на выскакивавших из-под ног гладких камешках и не переставал бурчать:

– Ну, куда меня занесло?! Что за жизнь! Не по мне вся эта дурацкая дикая романтика.

У самой воды он едва не растянулся, шарахнувшись от перескочившей тропинку лягушки. Пока он ловил потерянное равновесие и отряхивал пыльные джинсы, Даше пришлось его ждать. Она поинтересовалась снисходительно:

– Ты готов, можно идти дальше?!

– Здесь надо не идти, а плыть.

– Зачем?! – расхохоталась девушка.

К своему немалому удивлению и досаде Павел увидел, что она держится за перила новёхонького, аккуратного, как иллюстрация в детской книжке, горбатого мостика, сложенного из полукруглых брёвен.

– Дерево светлое, будто только что построили к нашему приходу, – мрачно отметил Павел.

– Не понимаю, чем ты недоволен.

– Так не бывает, – убеждённо произнёс горожанин.

– Ладно, считай, как хочешь, только идём быстрее, мне не терпится узнать, кто живёт в этом чудном месте.

Даша побежала вперёд через мостик, её спутник шёл следом, осторожно совершая каждый новый шаг, как ходят люди по болотным топям.

– Кто живёт, кто живёт, – продолжал бурчать он, – в чудном месте живут чудики, ещё неизвестно, что от них можно ждать.

Деревенская улочка поразила горожан удивительной чистотой. Заборчики вдоль неё стояли свежеекрашенные, ровные. Домики красовались резными нарядными наличниками. Огороды пестрили яркими пятнами цветущих тюльпанов, нарциссов и сиреневыми кустами. Навстречу путешественникам, важно переваливаясь с ноги на ногу, прошла стайка белых гусей. Птицы гоготали, словно вели оживлённую беседу, дружно замолчав, проводили Дашу и Павла внимательным строгим взглядом, отправились к реке.

– Можно подумать, деревенька прячется не в нашей глуши, – с видом знатока принялся рассуждать Павел, – а где-нибудь в центре цивилизованной Европы.

– Виват твоей внимательности, – уела его Даша, – всё было бы так, если б крыши домов покрывала черепица, а не шифер.

Продолжая удивлять горожанина цивилизованностью, пробежавший мимо большой лохматый ушастый пёс и не подумал облаивать незнакомцев. Только глянул серьёзно, как гуси, облизнулся, побежал своей дорогой. Дружной рысью вдоль деревенской улочки проскакали два мощных тяжеловоза. Павел от них испуганно шарахнулся, а сильные животные и не заметили вовсе. Рыжие жеребцы держались рядом, девушке даже показалось, что они скачут в ногу.

– Почему за ними никто не следит? – возмутился парень. – Вообще, где все люди?!

– Пойдем, спросим, – просто предложила Даша.

Они подошли к ближайшему заборчику, на калитке не было даже щеколды, дорожку покрывали цветные плиточки, как в приморских парках. Навстречу горожанам на крыльцо вышла высокая светловолосая женщина. Даша была готова увидеть здесь дородную крестьянку, с длинной косой, в русском народном сарафане и в кокошнике. Вполне современный вид хозяйки даже немного разочаровал путешественницу. А Павел успел отметить:

– Ну, слава Богу, люди хоть выглядят обыкновенно.

Женщина снисходительно улыбнулась, она не могла не услышать его странных слов. На радость Павла, и голос у неё был самый обыкновенный, и поздоровалась она очень обычно. Хозяйка охотно пригласила горожан войти в дом, отдохнуть, перекусить. И снова Даша ожидала увидеть нечто особенное: добротное крестьянское хозяйство, века так из восемнадцатого: сундуки, русскую печку, длинные лавки на толстых ножках. Она даже расстроилась, войдя в вполне современную комнату, не лишённую прелестей цивилизации: телевизора, компьютера, микроволновки. Женщина пригласила их сесть на модный кожаный диванчик, поставила на стеклянный журнальный столик пару чашек из французского стекла. Горожанка тоскливо смотрела на всё это, ей нестерпимо хотелось чудес. Они начались, как только хозяйка спросила очень просто:

– Как вы сюда добрались?

Девушка приготовилась ещё раз выслушать рассказ Павла про автобус и пьяных рыбаков, но с ужасом увидела, что он не может вымолвить ни слова, только мычит и страшно выкатывает глаза.

– Что с ним? – ужаснулась Даша.

– Врать собрался, – без тени сомнения ответила женщина.

– А-а-а... – протянула горожанка.

– Здесь нельзя врать, невозможно.

Любопытная девушка решила проверить. Она хотела рассказать про воздушный шар и посмотреть что будет, ведь всё равно не поверят.

– А я сюда прилетела, – начала она и почувствовала, что не может остановиться.

Светловолосая хозяйка присела на подлокотник стоявшего рядом кресла, с улыбкой слушала Дашину невероятную историю.

– ...ведь такое невозможно, – только и успела вставить в свой торопливый рассказ девушка.

– Всё возможно, – мягко ответила женщина.

– Но ведь я выбросила его из корзины, а он... он здесь.

Вот уж о чём путешественница вовсе не собиралась говорить. Вырвалось как-то само собой. Услышав такие новости, её спутник подавился бутербродом и громко закашлялся.

– У всего этого должно быть объяснение! – воскликнула девушка. – Этого не могло быть, но я помню только это.

– Ничего страшного, – успокаивая её, вздохнула хозяйка, – все оказываются здесь по-разному... И никто не знает – как. Поэтому каждому видится тот способ, с каким они могут примириться. Вот у Павла был автобус, приятели-рыбаки...

– Я же не успел вам рассказать об этом, – сквозь кашель выдавил горожанин.

– А я, выходит, считаю для себя нормой швырять людей... убивать! – возмутилась Даша.

– Ты была очень зла на него...

– Значит, стоит тебе разозлиться, – Павел дико смотрел на свою спутницу, – и ты можешь спокойно... да кто ты после этого?!

У него не хватило слов описать весь свой ужас от сделанного открытия. Даша почувствовала острую потребность поделиться бродившими последнее время в её голове мыслями. Она просто не могла удержать рвавшихся с языка слов.

– Я сама хотела бы знать, кто я такая. Сейчас скучное время, людям нигде проявиться, раскрыться. Живут все как одинаковые бледные тени. Проявиться нигде, поступка совершить. Вот раньше было проще, понятней, жизнь каждый день показывала – кто есть кто!

– «Кто есть кто?!» – передразнил Павел. – Все люди как люди, все одинаковые.

– Нет, не одинаковые! – возмутилась девушка. – Вот ты, например, заяц, трусливый заяц.

Раздался хлопок, словно ветер захлопнул форточку, и на диване рядом с Дашей вместо самодовольно улыбавшегося парня, остался серый худой заяц. Длинные уши, длинные лапы, тревожно бегавшие глазки, нервно дёргавшийся нос, испуганная настороженная поза. Девушка брезгливо отодвинулась, пробормотав:

– Зайчики хорошие... что же этот такой гадкий...

– Разве человеком он был лучше?! – спросила хозяйка, ни капли не удивившись случившемуся.

Даша пожала плечами.

– Я его почти не знала, мы совсем недавно познакомились. Наверное, придумала его себе таким, каким я хотела видеть, а сегодня несколько раз убедилась, что он совсем другой.

Окно, находившееся напротив диванчика, громко скрипнув, распахнулось, и в комнату просунулась жёлто-коричневая украшенная крохотными рожками и чёрными пушистыми кисточками голова жирафа. Благодаря своей бесконечно длинной шее, жираф дотянулся до журнального столика, ухватил губами лежавшую в вазочке печенюшку. Гостья лишилась дара речи, а хозяйка обыденным привычным жестом шлёпнула жирафа по шее, рассмеялась.

– Василич! Опять ты пользуешься своими преимуществами при чужих людях!

– Они уже не чужие, – послышалось Даше сквозь чавканье.

– Ты прав, конечно, – охотно согласилась хозяйка, – но все твои сногшибательные идеи перескажешь мне вечером.

Голова жирафа шумно вздохнула, и убралась восвояси. Жираф отошёл от домика, перешагнул заборчик и остановился на дороге в глубокой задумчивости – великолепной картиной в раме окна.

– Не все такие странные, – извиняющимся голосом объяснила хозяйка.

– Что это было?! – раздался раздражённый голос Павла.

Девушка резко повернулась к нему; её спутник, как ни в чём не бывало, сидел рядом на диванчике такой же, как обычно: худой, сутулый, носатый и футболка всё та же.

– Так что это было?! – настойчиво повторил парень.

– Неважно, – откликнулась светловолосая женщина, – ты всё равно ничего не вспомнишь... потом.

Павла глубоко оскорбили эти слова, правда, он не понял, на что именно обиделся, кажется, он уже начинал забывать всё, что видел в этом странном месте. Зато Даша жадно собирала новые впечатления, ей всё было интересно и всё хотелось знать.

– А «Ромашки, 13», – спросила она, – зачем в лесу адрес?

– Это волшебное место, – улыбнулась хозяйка, – там сбываются самые заветные желания. Нужно только прикоснуться к берёзе.

«Я обязательно проверю», – подумала девушка.

– Нам пора, мы уже давным-давно бродим по лесу, – забеспокоился Павел.

– Ну, пора так пора, – не стала их удерживать хозяйка, – обратно ступайте по тому же пути, как пришли сюда, теперь он будет вдвое короче.

Преданный законам физики парень, конечно, усомнился в возможности подобного, недоверчиво хмыкнул, но промолчал и только настойчиво тянул свою спутницу за руку.

– Пошли, пошли быстрее, у нас мало времени, того и гляди стемнеет.

Девушка только успела вежливо проститься с гостеприимной женщиной и сама не заметила, как они оказались на другой стороне реки. Павел всё брюзжал:

– Ну и на фига мы сюда пёрлись?! Бестолковая деревня! Попили чайку, пожевали бутербродов, эка невидаль!

– Дурак! – огрызнулась Даша. – Дранный заяц – он и есть драный заяц.

Горожанин не имел ничего против зайцев, но на всякий случай обиженно надулся.

– Не обзывайся... – потребовал он.

Девушка его перебила, воскликнув:

– «Ромашки, 13!»! Смотри, мы дошли до берёзы с табличкой!

– Не может быть, – бурчал знаток физики и геометрии, – прошло слишком мало времени, прошлый раз мы добирались гораздо дольше. Это ненормально!

– Здесь всё ненормально, это же здорово! – воскликнула радостная Даша. – Теперь не отвлекай меня, я придумала желание.

– Глупости это всё!

– Вот и проверим.

Девушка задумалась на мгновение, решительно подошла и погладила гладкий берёзовый ствол.

– Хочу узнать, кто я на самом деле.

– Нашла чего желать, – фыркнул её спутник, – если это дерево способно только на такую ерунду, я и вовсе ничего желать не буду, хотя...

Скептик тоже быстро подошёл к берёзе и прижал ладонь к стволу.

– Хочу согреться, а то я здесь совсем замёрз.

Горожане пошли дальше, уже минуты через две Даша воскликнула:

– Смотри, это – то самое место, на котором мы с тобой встретились, здесь всё и началось.

– Быть этого не может, простейшая задачка: если расстояние между двумя точками А и Б в прошлый раз была равна 5 км и точки остались неизменными, – методично принялся объяснять Павел, – то и второй раз это расстояние должно остаться 5 км! Если мы шли туда несколько часов, то преодолеть это расстояние по той же дороге за 10 минут невозможно!

Пока он рассуждал, лёгкий весенний ветерок, игриво толкавший их в спину, сменил направление и ударил прямо в лицо, принёс душный смрадный запах гари.

– Там впереди лес горит, – ахнула Даша, – всё ты, со своим желанием погреться!

– Я здесь не при чём! – громко возмутился парень. – Все эти желания ерунда! Неужели ты сама веришь в чепуху.

– Ох, мы сейчас погреемся! – не слушая его, причитала девушка.

Сизая дымка стелилась по траве, окутала, закрыла дальние деревья горьким едким воздухом, стало трудно дышать.

– Знать бы кто это устроил! Вот я бы их! – грозила девушка.

– Теперь поджигателей не найти, они уж далеко, пойдём и мы отсюда!
– уговаривал Павел.

Но Даша была настроена решительно, она уже прикинула, чем будет сбивать пламя, когда огонь подобрётся ближе, решила пожертвовать ещё недавно столь дорогим ей плащом, но события повернулись неожиданно. Возле поляны, на которую опустился воздушный шар, девушка увидела тёмные силуэты. Она присмотрелась и различила троих, одетых в чёрное, громил с большими автомобильными канистрами.

– Поджигатели!

Смелая горожанка бросилась к незнакомцам. Они уже собирались разлить бензин и поджигать.

– Не смейте, прекратите! – закричала она.

Её порыв вызвал у поджигателей только приступ смеха.

– Да что ты можешь, девчонка?! – крикнул тот, что был ближе к Даше.

– Я заставлю тебя пить этот бензин!

– Ой, как страшно! – расхохотался рослый парень. – Напугай нас ещё лесником и пожарными! Им никогда нас не поймать!

– Паша!

Она обернулась к своему спутнику, невольно ища у него помощи. Но там, где только что стоял Павел, на траву плюхнулся серый драный заяц. Даша не сдавалась:

– Разорву!

К восторгу девушки её слабый голос внезапно окреп и грозным львиным рыком прокатился над поляной. Громадная зверюга тряхнула густой ярко-рыжей гривой. Лев прыгнул на ближайшего качка, ударил лапами в грудь, повалил на землю. Выпавшая у того из рук канистра, упала рядом, бензин стал плескаться на землю у самой головы поджигателя. Лев придавил его одной лапой, другой пододвинул канистру ближе, бедному парню показалось, что зверь с издёвкой ухмыльнулся. Едва живой от ужаса поджигатель покорно глотнул бензина. Царь зверей удовлетворённо отвернулся, шагнул к двоим оставшимся остолбеневшим от страха громилам. Те, громко заорав, бросились к ближайшей берёзе и в мгновение ока оказались на ней, хотя нижняя ветка и поднималась от земли метра на четыре. Зверю понадобилось только тихонько рыкнуть, для того чтоб третий поджигатель присоединился к ним. После этого громадная африканская кошка вальяжно развалилась на траве под деревом, лениво отмахиваясь хвостом от назойливых мух.

Время шло, отсчитывая томительные, казавшиеся сидевшим на дереве бесконечными минуты. Лев всем своим видом демонстрировал, что ему некуда торопиться, подставлял солнышку светлое брюхо. Заяц смиренно сидел в траве.

Когда на поляну выбежал запыхавшийся бородатый лесник и наткнулся на сидевшую под берёзой хрупкую девушку, он не мог сдержать сокрушённые жалобы:

– Опять ушли! Ушли, поджигатели проклятые! Ребята, конечно, уже всё затушили, благо хватились вовремя... да наказать некого, не то я бы им устроил. Вы не видели здесь троих парней? – спросил он без надежды на положительный ответ.

– Конечно, видела, – скучающим голосом отозвалась Даша.

– Где они? То есть куда убежали?

– Не убежали, вон все трое.

– Где? – не поверил растерянный лесник.

– На берёзе.

Девушка указала на белоствольное дерево, увешанное, словно спелыми плодами, перепуганными громилами.

– Ого, кто ж их туда загнал?! – совсем растерялся бородач.

– Не знаю, – пожалала плечами девушка, – может, совесть.

Будни волшебника

Сказка

Осень – чудное время, золотое, прозрачное, как волшебство. Людовик де Луар неторопливо шёл по засыпанной листьями аллее к своему замку. Он весь день провёл на виноградниках и ощущал приятную усталость. Очень хотелось горячего кофе со сливками, но он не спешил. Даже свернул на боковую тропинку, чтобы продлить сказочную прелесть вечера. Уже совсем стемнело, деревья из золотых стали чёрными и подступили ближе, на тёмной синеве неба показались чёткие контуры башен.

– Что-то ты помрачнел, дружок, за последние триста лет, – обратился де Луар к замку. – Раньше веселее был. Пора ремонтировать.

Замок и впрямь был стар. Он помнил ещё Екатерину Медичи, последний раз его разоряли во время второй мировой, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что здесь было после революции. И каждый раз его хозяин терпеливо восстанавливал его шпили и башни. С хозяином замку повезло. Людовик де Луар – волшебник. Очень молодой волшебник. Ну, что такое 700 лет! На вид ему было лет тридцать, высокого роста, худощавый, энергичный и начисто лишённый седой бороды. Короче, нормальный миллионер конца двадцатого века.

Де Луар споткнулся о камень и едва не упал.

– Что за чертовщина?! Опять фонари не горят.

Он осмотрелся. Изящные столбики торчали на каждом шагу, но все плафоны были снесены как взрывом.

– Значит, Анжелика в бешенстве.

Он двинулся дальше, внимательно глядя под ноги и бурча себе под нос:

– Вот тебе, женился на нормальной женщине, колдовства не признаёт. Считает, что всё это сказки и фокусы. Даже мне не верит, я, по её

мнению, обычный винодел и лентяй. А сама! – он махнул рукой. – И ладно бы делала нарочно, так нет, она знать не знает, как это получается. И ведь не слонов розовых делает, крушит всё подряд. Терминатор! Вот превращу в робота и перепрограммирую.

Он рассмеялся и сделал маленького розового слоника. Толстый зверёк засеменил рядом, наступая себе на уши. Де Луар посмотрел и сделал ему крылышки как у стрекозы. Слоник взмыл в небо и стал вкручивать в фонари новые лампочки. Людовик быстро шёл по парку, а за его спиной ярко вспыхивали фонари.

В замке царили тишина и непроглядный мрак, но де Луар безошибочно определил, где искать жену. Она сидела в кабинете, на пушистом ковре, и плакала; увидев его, отвернулась.

– Что случилось, солнышко? Ты меня не встречаешь?

Он наклонился и поцеловал жену в мокрую щёку.

– Опять света нет, – всхлипнула она.

– Тоже мне горе, сейчас налажу.

Он вышел за дверь и столкнулся с домовым. Старик ворчал:

– А-а, вернулся, тут без тебя такое было! Всю проводку пожгла, две вазы уронила, сто лет стояли, а тут – бац! Я так больше не могу. Всё, всё, ухожу на пенсию.

Людовик достал из кармана большую конфету и подал ворчуну.

– Если бы я тебя не любил, давно бы ушёл, – потупился старик.

Домовой взял конфету и ушёл в стену. В доме зажгётся свет, в дальней комнате запел магнитофон. Людовик вернулся в кабинет. Анжелика сидела, поджав ноги, куталась в плед, отсветы огня плясали на её лице.

Он прислонился к косяку и молчал, залюбовавшись. Она вскинула на него свои изумрудные глаза.

– Ты меня любишь?

– Безумно.

– А её?

– Кого? – не понял де Луар.

– Я не знаю, кто она, – вздохнула Анжелика очень грустно.

– Анжела, я тебя не понимаю. О чём ты говоришь?

– О женщине.

– О какой ещё женщине?!

– Не притворяйся. Я всё знаю. У тебя есть другая!

– Не заводишь. Никого у меня нет, кроме тебя. Что на тебя нашло!?

– Ты не дорожишь нашими отношениями. Тебе всё равно, что я чувствую! Как ты мог!

– Объясни толком!

– Нечего тут объяснять!

Она поднялась и выбежала из комнаты. Людовик так и остался стоять, нахмурившись и ничего не понимая. По дому стали раздаваться хлопки лопающихся лампочек. Де Луар автоматически восстанавливал освещение.

Звуки удалялись, потом замерли, волшебник всё ещё пытался понять, что могло так рассердить жену. Из стены возникла хитрая рожица домового.

– Поговорили?

– Сам видел. Ну почему я не могу слышать мысли женщин? Любого мужчины – пожалуйста, а с женщинами я будто глухой. Чёрт знает, что творится в их красивых головках. Так вот и поговорили.

– Ничего себе разговоры у вас! Двенадцать лампочек.

– Я же сделал.

– А шуму-то сколько!! Я совсем оглох. А стёкла, я еле уворачивался. Ужас, на твоём месте я бы...

– Она не виновата.

– Не могут лампочки лопаться сами собой. Не могут, я изучал физику.

Домовой вылез из стены, заложил за спину лапки и принялся читать лекцию о физических законах, прогуливаясь до камина и обратно. Де Луар его не слушал. Снова раздались хлопки и звон.

– Похоже, возвращается.

– Спасайся, кто может! – хихикнул домовый и юркнул под диван.

– Пожалуй, он прав.

Де Луар быстро прошёл по ещё освещённому коридору и спустился во двор. Он подошёл к своему любимому «ягуару», сел и решительно повернул ключ зажигания. Машина не отозвалась. Он пробовал снова и снова, с тем же успехом.

– Нет, определённо, техника меня терпеть не может! Железки проклятые!

Он вылез из машины и зло хлопнул дверцей. Полез в багажник и извлёк старый потёртый коврик, стряхнул пыль и расстелил на траве. Ковёр поднялся над землёй, сантиметров на пятьдесят. Людовик уселся и полетел из двора, коврик парил низко, не торопясь преодолевая пространство. Волшебник поднял его выше. Он сидел на краю, болтал ногами, раздумывая, где бы остановиться на ночлег. Домой возвращаться совсем не хотелось и вообще не хотелось забираться под крышу. Удивительно тёплая ночь, пахнувшая поздними цветами и виноградом, уговаривала остаться под открытым небом. А тут ещё внизу проплыл свежий, душистый стог сена. Людовик развернул ковёр и мягко опустился на него. Рядом очумело шумел кузнечик, где-то далеко чиркала птаха. Волшебник закинул руки за голову, потянулся и уставился в небо. Звёзды огромные и лучистые, совсем как в июле. Он закрыл глаза и мгновенно уснул.

Анжелику разбудил запах, сильный терпкий запах орхидей. Она нехотя открыла глаза и снова зажмурилась. Пора было бы уже привыкнуть к таким фокусам мужа, но она каждый раз удивлялась. Её спальня ещё ночью чистенькая и немного пустая, теперь до краёв была полна её любимыми цветами. Орхидеи всех цветов и размеров свисали с люстры и гардин, стояли в больших и крошечных вазах, покрывали весь пол как пёстрый ковёр. От этого великолепного безобразия захватывало дух. До чего же Людовик любит всяческие преувеличения. Но трюк удался, от

вчерашнего гнева не осталось и следа. Она сладко потянулась и тут только заметила на соседней подушке белого плюшевого мишку.

– До чего хорошенький!

Анжелика скользнула из-под одеяла, накинула пеньюар, вспорхнула по лестнице в столовую.

Людовик в это время готовил завтрак. Он твёрдо решил справиться с ним без волшебства. Ничего, что кофе убежал на плитку, одна чашка разбилась, а он весь перепачкался в сливках. Домовой приборётся. Последний штрих – цветок в тоненькой вазочке. Он повертел в пальцах белую замысловатую орхидею.

– И что она в них нашла? Бледные, капризные, неживые какие-то.

Орхидея в его руках стала огромной алой розой – бархатные лепестки, огненный цвет, тяжёлый упругий бутон.

– То ли дело!

Вздыхнул и снова сделал орхидею. Примирение было полным и безоговорочным. Анжелика носилась по столовой с медвежонком в руках, щебетала что-то весёлое и ласковое, смеялась. А волшебник был в полном восторге, день прошёл как весёлый беззаботный праздник. Только под вечер де Луар вспомнил, что должен обязательно быть в столице на вечере у киношников. Там соберётся весь цвет общества, в том числе и те, с кем ему позарез надо увидеться. Пришлось спешно собираться, надевать смокинг, цеплять бабочку и отправляться на ненавистное мероприятие. Анжелика ехать отказалась, заявив, что ей и дома хорошо.

Де Луар не мог описать своё отношение к подобным вечеринкам, одна мысль о постных лицах знаменитостей, неуместной важности политиков и тошнотворной фальшивости улыбок вызывала у волшебника зубную боль и хандру. Каждый такой вечер, похожий на предыдущий, как одна горошина на другую, требовал от де Луара концентрации всей его воли и чувства долга. Сколько бы он состряпал чудес, только бы не ходить на эти экзекуции. Но в век компьютеров и статистики необходимо объяснять властям, откуда у тебя замок, машина и даже еда. Глупцы, они ни за что не поверят, что ему не нужны деньги, чтобы так жить. Вот и приходится выращивать виноград, делать вино и продавать его втридорога только для того, чтобы убедительно заполнить налоговую декларацию, а не то засадят чёрт знает куда – ни за что ни про что. Это бы ещё ничего, но поддерживать отношения с теми, кто сделал деньги смыслом жизни, де Луару было противно до жути. А надо!

Людовик поправил бабочку и перенёсся в концертный зал, где уже начался приём. Чтобы не пугать публику, он аккуратно нарисовался за колонной и вышел как ни в чём не бывало.

– О, мсье де Луар!

Толстый, противный король зубной пасты поймал его в душевные объятия. «Интересно, он сам-то пользуется своей продукцией», – успел подумать волшебник. Борца с кариесом сменил великий делатель звёзд. Он

тут же начал нахваливать свою новую группу и предлагать сотрудничество. «Одно название чего стоит – "Мальчики в кроссовках", ещё бы "Тараканов в тапочках" предложил», – Людовик представил себе выступление этой группы и не удержал улыбки. Идущая навстречу дива тут же приняла её на свой счёт, томно повела плечом и протянула руку для поцелуя. Элен Стефилд – Барби да и только. Высокая, золотоволосая, длинноногая, а бедра, а грудь! Ходячий соблазн и глазки голубые – невинные. «Храни меня Бог от этой дуры!» – думал волшебник, широко улыбаясь.

– Как поживаете, друг мой? – пропела она.

– Благодарю, великолепно.

– Вы слышали о новом проекте господина Спилберга? Мне предложили прекрасную роль. О, это будет шедевроуально!

«И как режиссёрам удаётся заставить её изобразить на лице хотя бы тень мысли?»

– Вам не кажется, что я поправилась? Мой менеджер говорит, что ещё немного – и я стану такой же пышкой, как Мерлин Монро. Неужели, правда?! Я не переживу!

«Нет, это я не переживу этот вечер!»

– Ну что ты! Ты сегодня само очарование, – сказал он вслух.

– Правда? Я так признательна за эти слова. Для звезды так важно всегда быть в форме.

«Если я послушаю её ещё две минуты, я стану таким же ясным и пустым, как её глазки. Интеллект в опасности!»

– Элен, смотри! Неужели это сам Ротшильд? Он уже год не показывался на люди.

– Ой, где? Он, честное слово, он!

– Окажи мне услугу, Элен, займи его минут на пять и передай, что я найду его позже.

– О, конечно, конечно...

Слава богу, декольте, разрез и каблучки отравились соблазнять Ротшильда. Де Луар вздохнул свободнее и пошел к столу. Как всегда дары моря... И кто сказал, что это вкусно? Хоть бы один нормальный кусок мяса. Нет, есть здесь нечего.

Ему нестерпимо захотелось стать драконом и покусать шеф-повара. Он взял себя в руки и отправился в зал, где уже началась концертная программа, задуманная исключительно для ТВ и мало интересная присутствующим.

Кинокамеры ползали по всему залу, залезали в разговор, заглядывали в платья дам. Один такой чёрный глаз тут же вцепился в де Луара, но ему было не до того. Едва взглянув на сцену, он сразу понял, что вот-вот случится несчастье. Пока всё шло как по маслу: Копперфильд летал, приглушённый свет создавал таинственность.

«...Отличный трюк, не будь я волшебником, поверил бы», – подумал Людовик.

Шоу продолжалось. Фокуснику наскучило летать одному, и он спустился в зал, чтобы найти себе партнершу, выбирал он недолго. Кто мог подойти ему лучше, чем Элен Стефилд. Они поднялись на сцену, а затем над ней.

«...Рождённый ползать – летать не может», – вспомнил де Луар прочтённого сто лет назад классика социализма, глядя на блондинку в воздухе.

И тут он понял, что его беспокоило. Механик был пьян, бренди шумел в его голове и руководил руками. Он что-то не докрутил, винт отошёл, и «люди-птицы» вот-вот рухнут на софиты. Магия де Луара подхватила их как раз в тот момент, когда отказала магия техники. Конечно, никто этого не понял. Они выписывали виражи и улыбались. А волшебнику пришлось стать одним из самых внимательных зрителей и не спускать глаз со сцены. Он легко запускал в воздух слонов, но у людей есть природная склонность сопротивляться магии, он не на шутку устал. Когда, наконец, номер завершился, он немедленно вышел из зала и ринулся в пустой бар.

– Хорошего вина. Быстро.

– С ваших виноградников? – сладко улыбаясь, поинтересовался бармен.
– Бокал подогреть?

– Да. «И этот узнал, – зло подумал Людовик. – Тяжело быть известной личностью. Все плятятся на тебя, прыщи считают. А каково женщинам! Одно спасение – быть душой, как Элен».

– Ваше вино, мсье.

«Сказал бы мне кто-нибудь ещё вчера, что я брошусь спасать Элен Стефилд, я бы в лицо ему плюнул, – рассуждал Людовик, потягивая вино.
– Выходит, я добрый волшебник – красавиц спасаю, виноград выращиваю, розовых слонов делаю».

Приторный бармен куда-то вышел. Большой поднос, уставленный рядами хрусталя, с мелодичным звоном скользнул за ним. Стойка бара кончилась, хрусталь накренился, помедлил мгновение и скатился на пол. Водопад осколков хлынул во все стороны.

– Фу! – сказал Людовик сам себе. – Мелкий пакостник!

Он восстановил все бокалы, но поднос, будто из вредности, уплыл вместе с ними под соседний столик. Жеманно, мелкими шагами вернулся бармен. Он совсем растерялся, даже рот разинул, пытаясь сообразить, когда и зачем он сам так далеко поставил чистые бокалы. Ведь не может же посуда двигаться сама.

Когда бармен склонил свой тонкий стан и полез под стол за подносом, за окном жутко грохнуло, полыхнула молния и грянул такой ливень, что и летом редкость.

– Этого не может быть! – испуганно пробормотал бармен. – Не может быть!

– Опять не может быть! – возмутился де Луар.

По бару поползли огромные аллигаторы. Бармен принялся тереть глаза. Зверюги стали жевать шторы и грызть стулья.

– Не может этого быть, мне всё кажется. Я слишком много работаю, – твердил бармен, прячась за стойку.

Аллигаторы перестали безобразить, встали на задние лапы, чинно расселись за столики, раскурили сигары и стали негромко беседовать о погоде. Один отпустил неприличную шутку, и все исчезли. Зал принял первоначальный вид. Бармен перекрестился и принялся нервно протирать стаканы.

– Зря я вчера до трёх ночи смотрел ужасы. Я, конечно, не сошёл с ума, но это уже слишком, – бубнил он себе под нос. – Ничего не было! – повторил он громко.

– Что вы говорите? – переспросил Людовик.

– Вы сейчас ничего не видели?

– Ничего особенного, – честно ответил волшебник.

Дождя как ни бывало. Бармен поправил бокалы, осмотрел пустой зал, заметил что-то под столиком, не поленился, сходил, поднял... Это был окурок сигары.

Объявили антракт. Холл заполнился людьми. Де Луар отправился искать тех, ради кого пришёл. Недоверчивый бармен за работой совсем забыл своих аллигаторов. Де Луар бродил в толпе, то и дело натёкался на объятия, рукопожатия и бестолковые разговоры. После каждого подобного столкновения в зале появлялось что-нибудь лишнее: стул – прямо на пути мэра или мышь – под ногами нефтяного магната. Людовик не обращал внимания, но когда зал оглушил вопль Элен, он удивлённо обернулся. На розовом креме пирожного в её руке дрыгал ногами жизнерадостный таракан.

– Это не я! – почему-то пробормотал де Луар.

Уже на лестнице, собираясь уходить, волшебник снова наткнулся на короля зубной пасты.

– Как вы уже уходите?!

– Дела, дела...

– Бросьте ваши дела. Во втором отделении всегда самое интересное.

– И что сегодня?

– Элен будет петь! – восторженно воскликнул толстяк.

– Она ещё и поёт?!

С огромной люстры над парадной лестницей с жутким ором свалилась драная рыжая кошка. Элен Стефилд в ужасе отпрыгнула в сторону и кубарем покатила вниз прямо на де Луара и зубочиста.

«Так и рвётся летать», – подумал Людовик, подхватив растрёпанную блондинку.

В баре календарь с обнажённой Стефилд показал бармену язык, бедный парень упал в обморок.

На улицу волшебник вышел мрачнее тучи. За шиворот смокинга капал самый настоящий осенний дождик. Ему было лень даже сделать себе зонтик. На редкость дрянной вечер, оставить дом, любимую жену, поцелуи, объятия, божественный ужин, только для того, чтобы спасти звёзд, да ещё дважды.

Он был в ярости, ладно бы ещё встретился с нужными людьми, так нет, именно они не пришли. Положительно, все умные люди остались дома. И как он мог позволить эмоциям так разгуляться? Крокодилы, гроза, сигары! А кошку-то зачем запустил?! Он медленно шёл по улице, мок и чертыхался.

– Убил вечер чёрт знает на что, хоть бы что-нибудь путное сделал.

Его грубо толкнули. Людовик оглянулся, мимо него, сильно сутулясь, засунув руки в карманы брюк, протопал долговязый парень. Де Луара поразили его мрачность и дикий взгляд.

– О чём он думает?

Парень думал так громко, что волшебнику захотелось убавить звук.

«Она меня не любит! Она называет меня неудачником, никуда не годным! Шлюха! Я ей докажу! Я докажу ей! Я такое устрою!»

Де Луар почувствовал острую неприязнь к этому жалкому типу.

«Я их уничтожу! Я всех их тут уничтожу! Я устрою такой фейерверк! Я ей докажу, что со мною надо считаться! Сейчас как раз моя смена».

Волшебник разом увидел весь его план и содрогнулся. Он же имеет доступ на ракетный склад!

Воспалённый наркотиком мозг парня уже рисовал весь ужас ядерного взрыва, мгновенно умирающих людей, собак и даже крыс. Трупы, пожары.

– Ну уж нет! – возмутился волшебник.

Он бешено глянул в спину наркоману, тот сразу споткнулся и провалился в открытый люк. Снизу послышались возня и ругательства. Людовик облегченно вздохнул. «Так-то лучше, дружок! Со сломанной ногой тебе дорога только в больницу, там сразу поймут, что ты колешься, и к оружию больше не пустят». Мысль о том, что он только что спас мир, сразу подняла волшебнику настроение.

Тёмный силуэт в смокинге растворился в дожде.

Под родной крышей промокшего и голодного волшебника ждал жаркий камин и роскошный ужин. От одного запаха жареной телятины, соусов и специй слюнки текли.

– Ты уже вернулся?

Де Луар почувствовал какую-то перемену. Совсем другую женщину он оставил несколько часов назад. Анжелика была великолепна в вечернем платье и бриллиантах, но от неё веяло холодом, как от мрамора.

– Я очень спешил, – стал оправдываться Людовик, ещё сам не зная в чём.

– Мог и не спешить.

– Как можно не спешить к такой красавице, – теперь он пытался обратить всё в шутку.

– Садись, ешь, – строго велела жена. – Вина хочешь?

– Нет, – поморщился де Луар, вспомнив приторного бармена. – Налей мне молока, – почему-то попросил он.

Анжелика даже не удивилась, достала из холодильника молоко, налила и подала ему холодный стакан. Людовик взял и уставился на него, не зная, что с ним делать.

– Тебе звонили, – ледяным тоном сообщила жена.

– Когда?

– Вчера и позавчера, и два дня назад.

– Кто? – без интереса просил волшебник.

– Молодая особа с крайне томным голосом.

– Что ей нужно?

– Это у тебя надо спросить! Это тебе звонят сомнительные особы.

– Почему сомнительные?

– Ах, он не понимает. Посмотрите на него, святая невинность!

В руке де Луара молоко стало быстро нагреваться, закипело и полилось через край. Он спокойно поставил стакан.

– Чего ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты объяснил. Кто эта девица?

– Понятия не имею.

Соусник сам собой взорвался в руках Анжелики.

– Не смей мне врать!

Под взглядом волшебника с ковра незаметно исчезли осколки и пролитый соус. Людовик поднял глаза на жену и стал терпеливо объяснять.

– Анжела, детка, я не знаю, кто она. Возможно, мы встречались...

– Ничего не хочу слушать!

Лампочка разлетелась вдребезги. В комнате стало совсем темно, только догорающие угли добавляли сцене колорита. Аппетит пропал совершенно, волшебник отступил в угол и превратился в тигра, запустил когти в ковер, оскалился и нервно дёргал хвостом. Анжелика, ослеплённая вспышкой, ничего не видела. Через мгновение у камина снова стоял её невозмутимый муж.

– Успокойся, я даже не знаю, как эту даму зовут.

– А я знаю! Элен Стеффилд!

– Что?!

Де Луар рухнул в кресло, уж такого он никак не ожидал.

– С чего ты взяла?

– Своими глазами видела!

– Где и что ты могла видеть?

– Только что, на всю страну показали тебя с твоей блондинкой!

– Вот чёрт!

– Да, милый, все видели, как ты не сводил с неё глаз, когда она порхала над залом. Ты её так и поедал взглядом! Боже, Людовик, это ужасно! Я сразу поняла, что это она звонила!

Анжелика нервно ходила в темноте, мяла тонкими пальцами салфетки, роняла что-то со стола. И совсем не замечала матёрого волка в кресле мужа, в бессильной ярости вцепившегося зубами в подлокотник.

– А когда я увидела, как ты её ловишь на лестнице, я чуть не умерла! Зачем? Всё было так хорошо, а теперь я не могу на тебя смотреть!

Де Луар стал самим собой.

– Я хотела тебя оставить, уйти, но решила сначала поговорить.

– Анжела, послушай, я терпеть не могу блондинок! А эту Стефилд – особенно. Я ни разу в жизни не видел такой беспросветной дуры. Тебе показалось, я не на неё смотрел, я пытался понять, как там всё устроено, – оправдывался Людовик.

– Ну и как, понял?

– Кажется, хочешь – расскажу, всё так просто.

– Не надо! А то, что ты её обнимал, мне тоже показалось?

– Ну, что мне оставалось, – увещевал де Луар вкрадчиво. – Не мог же я отойти и посмотреть, как она ломает себе шею?

– Не знаю... – протянула Анжелика. – Мне очень хочется тебе верить, но ты всегда заговариваешь мне зубы, вечно сочиняешь какие-то сказки!

Она снова горячилась.

– Анжелика...

– Ты мне изменяешь!! Ты меня променял на эту порнозвезду! – она заплакала. – Чем она лучше?

Людовик попытался обнять жену, но она вырвалась.

– Не трогай меня, я хочу остаться одна. – Она выбежала из комнаты.

Волшебник секунду постоял в растерянности, ринулся к окну, распахнул его и со страшным шумом драконом вылетел вон. Чёрный хвостатый дракон кружил над замком, плевался огнем и дымом, его раздирала бешеная злость на Элен, на себя и на легковерную Анжелику.

Когда из бассейна испарилась вся вода, он, чуть успокоившись, скользнул обратно в окно.

Де Луар пожевал остывшее мясо и завалился спать на диванчике в кабинете.

Утро наполнило серое, дождливое, грустное. Анжелика не спускалась, заперлась у себя. Волшебник без удовольствия выпил кофе, растопил камин, полистал газеты и выслушал жалобы домового. Попробовал постучать в двери спальни, не получил ответа. Решил сделать себе пиццу, но получил горелый блин с мухомором сверху, запустил им в мусорное ведро, попал в домового. Тот обиделся и тоже где-то спрятался.

Людовик остался совсем один. Телефонный звонок грянул как гром, он схватил трубку.

– Мсье де Луар?

– Я слушаю.

– Ну, наконец-то, тебя вечно нет дома!

– Барбара?

– Узнал старую ведьму.

– Как тебя не узнать. Это ты донимала жену звонками?

– А кто же ещё, – голос в трубке стал молодым и томным. – Мне необходимо с тобою встретиться...

– Ты мне такое устроила своими звонками! Лучше бы тебя ещё в средневековье сожгли! – вспылил де Луар.

– Ну, ну, не бушуй. Ты же знаешь, что я легко усмиряю любые страсти. Так я лечу?

– Только попробуй!

– Фи, грубиян! У меня к тебе дело, всё лечу!

– Стой!! Только не притворяйся всякими красавицами! Терпеть этого не могу, я вечно тебя не узнаю. Будь сама собой, может, и Анжелика успокоится.

– Подумаю, – промурлыкала трубка.

Через пять минут в дверь позвонили, слуга проводил в кабинет пожилую, очень некрасивую женщину во всём чёрном. Хозяин предложил ей коньяк, дама опрокинула рюмочку и приступила к делу.

– Ты, дружок, ещё молод, всё тебе легко, а я вот уже второе тысячелетие разменяла, шутка сказать – Понтия Пилата помню... Похоже, стареть стала, сам видишь, радикулит, хандроз, склероз. Память меня всегда подводила, но теперь... А главное, стоит мне в кого-то превратиться, всё забываю! Сама себя не помню!

– А я-то что могу сделать?

– Хм, ты поглупел за последние сто лет. Мне нужна шпаргалка.

– Пожалуй, – согласился Людовик.

– Вот я у тебя и прошу шпаргалку, книгу волшебную. Ну, понял, теперь?

– Была у меня где-то, – наморщил лоб де Луар.

– Ищи, – велела ведьма.

Волшебник полез в шкаф, стал рыться в книгах, чихать от пыли. Тем временем ведьма скользнула за дверь.

Когда он вынырнул с толстым фолиантом, Барбара уже вернулась.

– Всё, – заявила она.

– Что, всё? – удивился пыльный и помятый Людовик.

– Твоя проблема решена, я поговорила с твоей женой!

– Только не это!

– Расслабься, она только меня увидела и сразу тебя простила, давай сюда книгу! Иди к ней!

Де Луар ей не поверил, но послушался. Ведьма, прихрамывая, вышла из замка, проковыляла ещё три шага, подмигнула сама себе и обернулась прекрасной Элен Стефилд. Она жеманно поправила локоны и отправилась восвояси.

А в замке на закрытой двери в спальню, сплетались алые розы и белые орхидеи.

Миниатюры

Работа

Я работаю олигархом. Презираю налоги, живу в Лондоне. Темза – речушка грязная. Смотреть противно. Отдыхаю на Канарах. Мне друзья говорят, что Канары – курорт для бедных. Давно пора купить собственный остров, а я не хочу... может, и зря... они правы, я заслужил достойный отдых. Тружусь как раб, с утра до ночи. А ответственность какая! Я даю работу миллионам человек. Metallурги, шахтеры, водители. Что бы они без меня делали?! Десятки предприятий на моих плечах. Дух перевести некогда...

– Мужчина, мужчина просыпайтесь. Конечная. Автобус дальше не идёт...

– Умаялся, работяга. Сразу видно, с завода едет. Руки чёрные, не отмываются уже...

– Мужчина, мужчина, Вам плохо?

– Нет, мне хорошо. Я работаю олигархом...

Оглянитесь

И почему человек так любит скучную геометрию? Ведь мы – дети природы, а она не терпит повторов и прямых углов. Знаю, знаю... Всё объясняют целесообразность и простота, но... как восхищает и завораживает неподражаемость и затейливость каждого листочка на дереве. В самом начале осени дух захватывает от яркой природной щедрости, от её богатства и изобилия. Нет. Я не о том, что можно сожрать.

Я о том, чего мы не замечаем в своей вечной спешке и озабоченности. Пока за шиворот не закапает.

– Ой, дождик. Осень...

А вокруг такая красота, такое буйство красок! Проснитесь, пока не поздно. Пока не опал последний золотой листочек. Посмотрите вокруг! Сколько красоты! Запомните мир пёстрым, пока не настала чёрно-белая зима.

Современная зоология

Загадочное животное – верблюд. Огромный, сильный, выносливый фантастически и при этом покладистый. Охотно подчиняется нам: хилым, мелким и наглым. Непостижимо...

Вот ослик – маленький, ушастый, серый. А его упрямство стало нарицательным.

И у людей так. Что ни кочка на ровном месте – маленький, ушастый, серый, а упрямыства на громадное стадо верблюдов хватит. Такому бы неподъёмные грузы таскать, как ослику, а он развалился за столом – живот мешает, подбородки гармошкой, глаза стеклянные.

– Предоставьте справку!

Самое трудное в наше время – это доказать ослу, что ты не верблюд.

Открытие

Кажется, я начинаю понимать божественную логику. Или основной принцип мироздания, если хотите. У того, кто вершит наши судьбы, воистину божественное терпение или адское. Но уж точно не человеческое.

Сколько раз всеми возможными и невозможными способами жизнь показывает нам, если мы идём не туда. И ситуации подсовывает и сюжеты по ТВ, в книгах, журналах. И на чужих примерах учит. Мы чужие ошибки видим, осуждаем, рассуждаем, советуем. И тут же творим то же самое, твёрдо уверенные, что у нас-то совсем другой случай. Упираемся, проявляем характер. Гордимся своей свободной волей и непоколебимостью. Пока...

Пока не иссякнет вселенское терпение. Пока гром не грянет. Упрёмся носом в неизбежное. Перепугаемся до потери пульса и начнём искать виноватых. Маму, папу, соседа, начальника, правительство. Кого угодно только не себя. Особенно Богу достаётся. Лучше не испытывайте Его терпение...

Утро

Полное отсутствие всякой здоровой мысли – это ещё мягко сказано. Такое оупение – просто прелесть... Отсутствие мыслей – девственное, не тронутое дурным влиянием средств массовой информации. Где я? Что я? Какая разница! В тяжёлой голове – плотный туман. Не хочу выходить из тумана. Я е-ж-и-к... не ищите меня... И не при чём здесь алкоголь! Голова не болит. Во рту не было ни одного слона. Не ощущаю ничего противного. Всё очень мило и свежо. Просто не хочу просыпаться, переводить свой компьютер в рабочий режим, думать, прикидывать, решать повседневные задачи. Всё равно придётся. Не хочу-у! У меня ещё есть пять минут... Я е-ж-и-к...

Надёжное средство

Раньше как-то и в голову не приходило, какая это проблема, когда болит голова. Та ерунда, которую раньше привыкла называть головной болью, лечилась очень просто, стоило только отвлечься, занять мозги чем-нибудь интересным – и всё. Голова прояснялась. Жизнь налаживалась. А теперь... Хочется тупо сидеть, качаться из стороны в сторону и ныть на одной ноте.

– А-а-а-а!

Стоп, старый метод, похоже, сработал. Пожаловалась, поискала подходящие слова, сосредоточилась на сочинении текста и... сработало! Сработало! Да здравствует работа мысли! Шевелить мозгами – вот самое лучшее упражнение!

Что вижу, то пою

Стол. Большой стол, бумажки, бумажки, монитор, принтер, бумажки, бумажки. Тоска! Вот то ли дело пальмы, золотистый песочек, море... нет, лучше океан. Зеленовато-синий, безбрежный, катит тяжёлые валы, шумит. Совсем рядом цветут ослепительно-белые орхидеи и совсем другие крупные ядовито-красные цветы пахнут приторно сладко. Противно пахнут. Очень противно... Душно, жарко. Буквально нечем дышать... Хлоп!

Ненавижу реальность. Это ж надо, сгорел! До чёрных углей, сгорел весь мой ужин. Замечталась, забыла выключить плиту. Ничего. Творец должен быть голодным. Хорошо, что у писателя всегда остаётся его фантазия...

Сижу на берегу океана, смотрю на лазурь небес... Есть хочется, хоть песок жуй. А кругом красота, орхидеи цветут... Ура. Их же едят. Вот вам и ужин. Хорошо, что у меня фантазия бурная, а то так бы и умерла с голоду.

Сила музыки

Музыка, музыка, музыка. Великая штука. Общается с нами, минуя мозг. Даром, что уши на голове. Мелодия действует совершенно непостижимым образом. От весёлой нам весело, от печальной – слёзы наворачиваются, настроение портится, сами не знаем – почему. Грустим каждый о своём. Спроси неожиданно, о чём музыка? И все поведают разные истории. Кому что послышалось в жалобных звуках. Или рассердятся слушатели, обругают, выключат. Откуда такая буря эмоций? Чего испугались? С чем боремся? С плохим настроением?! Мы просто привыкли к этой непобедимой власти музыки. А без неё – никак. Хотя бы один ритм – только подёргаться. Но даже он имеет над нами власть. Даже он руководит нами, командует нашими движениями, заставляет жать на газ, нестись по дороге... Часто это кончается грохотом, аварией, смертью. А мы и не задумываемся, что за сила совершила это убийство...

Дорога ложка к обеду

Интересная штука жизнь. Чертовски увлекательная. Нет, серьёзно. Проходят день за днём похожие, как близнецы. И вроде бы скучно. Зевать хочется, так что челюсть вывихнуть можно. А потом посмотришь назад – и сам удивишься. Оказывается, деньки-то были неплохие – солнечные. Было время понежиться, прижаться к любимым, замереть от счастья. А теперь – бежим, торопимся. Дела... дела... Обманываем себя, что это всё только для них, для наших родных, любимых. Откупаемся от них подарками, бежим дальше, дела... дела... И спросить некогда, а чего на самом деле

хочется тем, кому мы торопливо суём наши дорогостоящие подарки. И не замечаем, не успеваем замечать слёзы в их грустных глазах. Отмахиваемся от простой истины, что минуты нашего внимания и нежности нужнее и дороже им любых подарков. Потом... потом... в другой раз... А потом уже поздно... только ветерок ласкает лепестки цветов на кладбище, да дети смотрят зло, с презрением. Обливают ледяным равнодушием. Вот мы и не нужны никому. Но мы же хотели как лучше. Мы так старались. Всю жизнь приносили в жертву... а наша жертва не нужна никому. Что ж, получается, вся наша жизнь никому не нужна...

Пока не поздно. Быстрее. Обнимите, поцелуйте своих любимых, самых главных. Улыбнитесь смыслу своей жизни, шепните на ушко:

– Я тебя люблю.

Сказочка на ночь...

...Сыграли они красивую свадьбу. И был пир на весь мир... Понятия не имею – что дальше. Что я вам Шахерезада?! Может, жили они долго и счастливо, а может, померли в один день, а может, то и другое сразу – жили-жили, пока совсем не померли. Почему померли?! Надоело им всё, подумали-подумали и померли. Как?! Совсем померли. Зачем подробности... А-а-а! Конфет объелись и померли. Почему это так нельзя? Бабушка сказала... Конечно, нельзя. Нельзя есть одни конфеты. От них зубы чёрные. Не отвлекаться? Рассказывать? О чём рассказывать? Почему принц с принцессой померли? Ну, я и говорю. Съела прекрасная принцесса все конфеты во дворце. Почернели у неё зубы и выпали. Улыбнулась она принцу, он увидел её и помер от ужаса. Что принцесса? Она не смогла без него жить и тоже дала дуба. Короче, все умерли. Спите быстро. Что ещё? Что без свадьбы? Без свадьбы можно конфеты есть? Без свадьбы всё можно...

Оптимизм

Оптимизм – штука трудная. Беззаботная улыбка на лице требует постоянных титанических усилий. Это тем, кому всё равно, легко. Надел фиолетовые очки и отвернулся от проблемы. А пессимисты – просто лентяи. Проще всего ныть и жаловаться: «Ах, у меня всё так плохо. Ох, я ничего не могу». Напрашиваются на то, чтобы их пожалели и всё за них сделали. «Ох, у меня депрессия», – не депрессия, а лень! Махровая лень!

А вот оптимисту приходится тяжко. И за пессимиста всё сделай и пофигиста встряхни, и сам не загнись, ищи в навозе жемчужину. Задача не для слабых. Вот и становятся оптимистами сильные да умные! Другие не справятся!

Рационализаторское предложение

Странная штука жизнь. Вот так, живёшь, живёшь день за днём, и не видишь никакого смысла и не веришь в чудеса. Вдруг случится что-

нибудь такое необъяснимое и неожиданное, что иначе как чудом и не назовёшь. И жить сразу захочется, и петь, и для других сделать что-нибудь эдакое, замечательное...

А если всё наоборот? Сначала сделать чудо для других, а потом самому получить чудо, как награду. Если перестать гнусаво кланчить у небес подарок судьбы, а просто взять и сотворить маленькое чудо. Забрать домой замёрзшую бездомную дворняжку. Вот для неё будет чудо из чудес! Или покормить голодных синичек. Или просто светло улыбнуться хмурому человеку. Может быть, эта улыбка спасёт ему жизнь. Давайте делать чудеса! Зачем ждать?! Быть может, одно маленькое усилие притянет в вашу жизнь большое чудо!

Удовольствие поболеть

В простуде есть своя прелесть. Нет, конечно, не в потоках соплей и распушем красном носу, а в том, что горячая тяжёлая голова уже не может думать и беспокоиться. Как далеки и мелки становятся мучавшие вчера неразрешимые вопросы. Тают, растворяются в вязком температурном тумане все ужасно важные проблемы. Цели теряют чёткость. Мысли становятся медленными и равнодушными, перестают тревожно дёргать нервы. Вечно забитые до отказа дни благостно тянутся от одного приёма лекарства до другого. И не грызёшь, не пилишь себя за то, что отменяешь, валяешься в постели, спишь, спишь...

Когда мы окончательно допекаем наш организм своей деловитостью, тревогами и волнениями, он вдруг заливает всё потоками соплей и громко чихает на заботы. Нам, наконец-то, жаль себя до слёз, а ласка и забота, отвергавшиеся гордостью и независимостью, принимаются с благодарностью и нежностью.

Ну, что, поныли, поболели?! Отдохнули? Хватит! Я здоров и весел. Жизнь продолжается!

Взгляд из будущего

Весёлая наука археология. Не верится? Не может эта копуша и зануда быть весёлой? Очень даже может! Особенно если глазами археолога заглянуть в будущее. Знаете, что останется от нашей развитой цивилизации через пару тысяч лет?

Почти ничего. Одни унитазы. Страшно даже предположить, какое объяснение придумают археологи будущего обилию в нашей культуре этих странных сосудов. Почему унитазы? Века переживает керамика, глиняной посудой мы уже давным-давно не пользуемся. Остался только один массовый товар – сан-фаянс, уж он-то легко переживёт века в любой почве.

Всё просвещённое и совершенное, из чего состоит наша комфортная современная жизнь, сиюминутно хрупко, беспомощно перед страшной разрушительной силой времени. Сытое общество потребления уже давно

перестало создавать монументальное и вечное. А голодным – тем более не до этого. Камень не в чести, всё заменили дешёвые полимеры. Любой археолог знает, что если дальше так пойдёт, от нашей замечательной цивилизации останутся унитазаы, примитивная африканская керамика для глупых туристов и... ставшие нетленными трупы. Роскошное мнение о нас сложится у потомков. Хотя – чему удивляться? Нынешние профессора, копаясь на руинах, сортируют слои по уровню культуры, по сложности наскальной живописи и украшений. Мы и здесь уже давно примитивнее предков.

И будут учёные мужи именовать нас цивилизацией многочисленных примитивных обезьян с палкой-копалкой в руках и со странным сосудом на голове.

Отпуск

Интересно, а вечное недовольство – это часть человеческой природы?! Мы просто хронически чем-то недовольны. Жалуемся, словно удовлетворённость противоестественна. Море то слишком холодное, то слишком тёплое, то дурацкие волны сбивают с ног, то вода стоячая, как в луже. То медузы мерзкие, то пляж грязный, то галька слишком крупная, то песок не того цвета. Морские ежи колются, а водоросли воняют. Пальмы торчат не там, а цветов маловато. Остаётся сидеть в номере. А номер всегда тесный и бестолковый. Уж за такие деньги мог бы быть и получше! Еда – не та, вид из окна не тот. И соседи – придурки, и бассейн мелкий, и кровать жёсткая... Это далеко не всё, каждый найдёт ещё десяток недостатков. Только когда, вернувшись домой, закроем за собой дверь, окунёмся в однообразие будней, признаем грустно, что было здорово и готовы все повторить.

Плач донны Анны на краю книжного шкафа

– Дура, я дура! Зачем сюда лезла?! Теперь ни вверх, ни вниз! Маята какая! Нет, это надо, с моим-то умом, с моими знаниями! Другие кувыркаются повыше, изворачиваются, дёргаются каждый по своему, а я приросла к этой рухляди, не понять, в каком стиле! Тоска! Сесть что ли? Сяду. Господи! Сколько пыли!! Это пыль 13 века, эта 10, а это не иначе 17. На кой чёрт она мне сдалась в третьем тысячелетии? Фу-у! Села, ножки свесила, нет, вы на меня посмотрите! Хорошо сажу, добротню! Огромный дубовый короб с мусором истории. Книги, книги, неужели я всё это прочла?! Смотри-ка плесень! У-у ты, моя зелёнькая! Всё, решено! Ищу свой стиль!!! На шкафу самое место! Что там другие делают? Ух, ты! Вот это скорость, во даёт! Просто бомба ядерная! Нет, электронная! Жаль, со шкафом так не поинсталеяешься! Щас как прыгну в классики! Ой, мама! Держите меня! И что туда прыгать? Паутина одна. Скучно, хоть вешайся! Это идея! Здесь и повешусь! На рай

посмотрю. Всё! Решено! Только вот вспомню, чего я сюда забралась?! Ах, да и чего только не наделаешь с перепугу! До смерти мышей боюсь!

Ревность

Антонио терпеть не мог ездить шагом. Но конь выдохся ещё час назад и еле переставлял ноги. Пейзаж навевал тоску: гладкие поля с острыми иголочками полевых всходов, то ли пшеница, то ли трава.

– Праздник жизни! – подумал он зло. – Травка, птички.

Дорога заползла на холмик. Мелкие камешки, песок, лужи. Как медленно переступают копыта, звук мягкий и сонный, как шаги старика.

Антонио резко поднял руку, чтобы хлестнуть коня, но остановил сам себя.

– А, чёрт!

Он спрыгнул на землю, похлопал коня по потной шее.

– Что, дружок, устал?

Измученное животное повернуло голову и благодарно оскалилось.

– Отдыхай, отдыхай пока.

Он повернулся к коню спиной и стал всматриваться в горизонт. День давно перевалил за середину, солнце, весёлое утром, уже остыло. Ветер заметно холодал. Антонио поёжился и поправил складки плаща.

Он покинул замок сеньора Лоренцо на рассвете. Ещё пару часов назад он рвался вернуться. Но теперь вспоминал обо всём спокойно и почти равнодушно...

Всё началось банально и даже глупо. Он был простодушно счастлив в замке Лоренцо. Дни неслись весело и шумно, как детские салочки. Влюбленные всегда заражают других своим жизнелюбием и беспечностью.

Едва придя в себя после тяжёлого и бессмысленного крестового похода, Антонио попал в радужный цветник новорожденной семьи. Его подхватил вихрь чужих надежд и безумства. Молодожёны были очаровательны, они любили друг друга и всё вокруг. Попав в дом старого друга в такой момент, Антонио заново испытал радость дружбы, снова уверовал в то, в чём разуверился в последние мрачные годы, но...

Лоренцо сбил Антонио с ног и приставил нож к горлу. Он был ужасен в своей ненависти к человеку, которого ещё вчера называл братом. Что-то неуловимое изменилось в нём. Лицо не было перекошено злобой, губы не произносили проклятий, но это был совершенно другой, незнакомый человек, чужой. В его свинцовых глазах Антонио увидел то, что всегда видел в глазах врагов, в глазах тех, кого за время войны привык убивать хладнокровно и легко. Секунда – и ужас предательства сменила привычка войны. Он посмотрел на Лоренцо и улыбнулся с равнодушным презрением.

Лоренцо резко отбросил нож, он ожидал чего угодно, но не улыбки, и испугался. Испугался поверженного, безоружного противника, которого отделяло от смерти одно движение ножа. Антонио встал, отряхнул с плаща пыль, поднял нож, сжал тёплую рукоятку. Ещё вчера у него был друг.

Муки творчества

Отсутствие мысли – ситуация довольно печальная. Срочно ищем вдохновение. Придётся пошарить под столом, куда оно завалилось?! Под столом, под ковром, за шкафом в углу. Где-нибудь поблизости оно обязательно отыщется.

Отряхнёшь, почистишь, погладишь, чмокнешь обиженную мордочку, и оно встрепенётся, расправит помятые пёрышки – и полетели! Только успевай буквочки нажимать, слова складывать.

А как же тяжело тем, чьё вдохновение покинуло их окончательно, а может, и вовсе не приходило. Сидят бедняги, над чистым листом вздыхают, мучатся.

Муки творчества у великих – это совсем другое. Они всё не могут решить, как будет лучше, да талантливей, а вдохновение морды корчит да куражится, но далеко от таких людей оно не отходит, всегда с ними.

В любом творчестве главное – чтобы вдохновение не покидало. Тогда и жизнь имеет смысл.

Конец пирата

Лето. Утро. Ласковый морской бриз. Конец пирата.

Поздно вопрошать: зачем, когда верёвка уже завязана и петля уже на шее. Уже ничего не изменишь. Финал уже давно был известен. Нет ничего нового. Некрасиво! Мерзко! Противно! А ты что хотел? Палач – любитель, так что на быструю смерть даже не надейся. Шея не сломается, будешь долго болтаться на виселице, задыхаться и хрипеть, упиваться процессом. Нравится? Не нравится, а всем наплевать. Жить хочется? Глупости какие. Смирись... Для тебя всё кончено...

А вокруг всё осталось по-прежнему. Утро. Лето. Ласковый морской бриз.

Пробуждение

К чёрту! Всё к чёрту! Настроение – дрянь! Самое время убивать и самому содохнуть! Только бы быстро. Раз – и всё. Один удар – и нет ничего... Ничего... Ничего... Только смертоносная сталь мечей со свистом пролетает мимо. Смерть опять промахнулась. Опять не я, не я... Не я... Бью наотмашь, размахивая своим мечом, как дубиной. Удар! Ещё удар! Ну, что же вы, слабаки? Подходи, не тяни. Под ноги валяются кровавые трупы, обрубки без рук и голов. Вперёд уже не шагнёшь, надо перешагнуть кровавое месиво или подняться, встать на него. Врачаю тяжёлый меч над головой, крушу всё вокруг... Смерть.... Смерть...

А она склонилась к самому лицу, воняет мерзко, смеётся надо мной...

Резко просыпаюсь. Открываю глаза. Темно. Реальность. Боль. Жизнь хуже любого кошмара. Жизнь. Не жизнь, а проклятое существование. Прав был врач: не умрёшь, но очень об этом пожалеешь.

Смерть. Смерть. А она смеётся, отступает в темноту. Сколько ни ори, тело не отзовется, не шевельнется. Кроме жуткой боли нет ничего, никого, даже самого себя нет. Только отчаянье. Огромное, безбрежное – как ночь. Больше нет ни надежды, ни молитвы...

Эх, почему тот меч промазал, не снёс эту проклятую башку?!

Чёрное настроение

Не переживай – чёрная полоса вот-вот кончится и... начнётся густо-коричневая. Да-да, цвета свежего поноса. Была чёрная, пришла гавнянная! Боюсь, чёрная была лучше. Подумаешь черно-темно, как ночью, можно мечтать о рассвете, строить планы, а вот в выгребной яме – одна мечта, одна цель: вздохнуть, выбраться. Одна мысль: «Все пропало. Пропало... Помогите... Помогите, кто-нибудь!» А вокруг тишина и одиночество, как на кладбище. И страшно-о-о, и даже эха нет. Глухо. Даже на собственные усилия рассчитывать нельзя. Сколько ни бейся, из дерьма сметаны не взобьёшь. Оно не молоко.

А жить хочется! Не вышепчешь.

На фига нам это всё. Чего мы, человеки, так за жизнь держимся?! Мазохисты несчастные. Разрешить эвтаназию. Срочно!

Фиг тебе... Загибайся потихоньку. Прочувствуй прелесть момента.

Всегда можно сравнить себя с тем, кому реально ещё хуже. Особенно если такой экземпляр под рукой, всегда можно отвести душу, наорать на него... А он будет кивать, сочувствовать, куда ему деваться, а мне всё можно, я ведь страдаю! Мне плохо...

А можно хлебнуть яда большой глоток?! Притвориться героем, улыбнуться, терпеливо, поддержать какого-нибудь нытика.

Всё наладится... Всё обойдётся... У тебя всё будет хорошо.

Глядишь и про свои нешуточные проблемы подумать некогда. Это тоже метод бороться с отчаяньем. Даже провалившись по горло в выгребную яму, есть кого утешить. Жизнь продолжается, а к счастью это или к сожалению, проживём – увидим.

Осторожно!

Интересно получается, ничего-то нам неизвестно. Прошлое забываем, будущего не предполагаем. А ведь всё так предсказуемо, так просто. Не подумал, поторопился – и огребаешься с последствиями. Вспоминаешь смутно, что говорили, предупреждали. Спорил, не слушал, а теперь и сознаться стыдно, что сам виноват. Что твоё бешеное упрямство было блажью, дурью несусветной. Помогите. Спасите. А где ты раньше был? Хотел сам, вот теперь всё сам. Любишь кататься, люби и саночки возить. Все мы хотим устроиться потеплей, и пусть другие разгребают то, что мы наворотили. И ведь находятся такие талантливые да щедрые, чтобы справиться, вырвать из безвыходного положения. Есть же такие чудо-трудоголики, которые всё вывезут, обо всём

позабоятся. Людей таких хвалят, не нахвалятся, и в любви клянутся, и памятники ставят, а чуть что – бегут от них в разные стороны. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Потом можно вздохнуть: ну если уж он не смог. Судьба такая. На самом деле, судьба такая, какую сами себе наскребли. Всегда... почти.

Муза

Хорошенький вопрос, что дальше и есть ли оно вообще это дальше. Каждый раз после окончания очередного рассказа или романа тем более кажется, что больше ничего уже не будет. Всё! Доделала – и вдохновение кончилось, и больше ничего нового, никогда не придумается! Приятно вспомнить, что настроение это каждый раз проходит, отдаляется и жизнь снова освещается фейерверком творчества.

Не представляю, как продолжают творить те, кто строчит романы, как пирожки печёт. Или здесь уже творчество ни при чём, только работа. Регулярный труд ради доходов – и ничего больше. Вот бы спросить у классиков. С Достоевским всё понятно. Он сам признавался, что пишет ради пропитания и игры. А у других как?

Вот весельчак Дюма вкусно заедал грусть. Даже целую книгу посвятил вкусностям, а его мрачный друг Гюго?

Ох, чувствую себя Гюго в депрессии. Пойду... поем. Вдруг я талантливая, как Дюма!

Счастье

– Ну, что будем делать? – привычно спросил Пятачок.

Винни Пух поскрёб лапой в затылке. Многозначительно помолчал, хмыкнул, откашлялся... Не помогло! Он по-прежнему не мог ничего придумать. А так хотелось предложить новое, совершенно новое. Просто небывалое и очень-очень интересное. Мишка нахмурился, собрал плюшевый лоб в складки и выпалил:

– А почему всегда я придумываю, что делать?! Давай ты предлагай.

– Я?! Почему я! – испуганно взвизгнул Пятачок. – Я вчера придумывал.

И правда, пойти в гости к Сове предложил поросёнок.

– Совы вчера не было, – вздохнул медведь, – и сегодня не будет.

Придумывай новое занятие.

– Опять я! – всхлипнул Пятачок.

– А кто ж ещё, – резонно буркнул Пух.

– Пойдём... пойдём... – вдруг поросёнок буквально подпрыгнул от восторга, – придумал! – громко пискнул он. – А пойдём – куда глаза глядят.

И они пошли...

Только глаза Винни Пуха глядели направо, а глаза Пятачка – налево. Сделав пару шагов в разные стороны, друзья разом остановились.

– Ты куда? – удивился поросёнок.

– А ты куда? – возмутился медвежонок.

Помедлив ещё минуту, они дружно зашагали вперёд по тропинке.

– Бу... бу... бу-бу... бу-бу, – бурчал Винни Пух.

– Песню сочиняешь, – восхищённо пискнул Пятачок.

– Ну... не то чтобы песню, – протянул медвежонок, – ворчалку-пыхтелку. Бу...бу-бу...бу-бу...

– Ну как, – ещё минуту спустя спросил поросёнок, – готова песня?

Пух не откликнулся, сосредоточенно тёр нос. Даже остановился, дирижируя лапами. Так и начал петь негромко, словно сам себя убаюкивал.

День сегодня хоть куда,
Мы гуляем, да-да-да.
У друзей полно забот,
Впереди нас что-то ждёт!
А что это, мы поймём
Сразу как туда дойдём...

Песенка получилась очень попутная. Винни Пух с Пятачком прибавили шаг, весело топали по тропинке.

– А всё-таки, куда мы идём? – нетерпеливо спросил поросёнок.

– Вперёд! – уверенно ответил Пух.

А впереди тропинка добежала до круглой полянки и затерялась в высокой траве.

– Уже пришли? – разочарованно спросил Пятачок.

Пух не ответил, он шагнул в траву, постоял, задумчиво глядя вниз, совсем загрустил. Но тут из травы выпорхнула большая ярко-жёлтая бабочка и села ему на ухо. Мишка ахнул, замер, улыбнулся застенчиво. Пятачок потянулся понюхать голубой колокольчик, не выдержал, громко чихнул. Бабочка испуганно вспорхнула и полетела над поляной. Весёлые друзья вприпрыжку побежали за ней. Над зелёной травой мелькали только уши.

– Ой! – вдруг мишка обо что-то споткнулся.

Он резко остановился, Пятачок с разбегу ткнулся ему в спину.

– Винни! – взвизгнул он. – Что это? Что ты нашёл?

Пух наклонился, пошарил в траве. Озадаченный медвежонок поднял тяжёлый, полный до краёв горшочек мёда, накрытый аккуратной бумажкой. Сладкоежка был счастлив! Он представления не имел, откуда взялся волшебный горшочек, но настоящее счастье не нуждается в логичных объяснениях. А Пятачок сам не знал, что он любит больше всего. Он просто был счастлив вместе с другом.

Никто не может знать заранее, где найдёт своё счастье, но чтоб его встретить, всегда нужно сделать первый шаг, хотя бы наугад.

Содержание

Сэм.....	4
Кто есть кто	17
Будни волшебника	30
Миниатюры	41
Работа	41
Оглянитесь	41
Современная зоология	41
Открытие	42
Утро.....	42
Надёжное средство.....	42
Что вижу, то пою	43
Сила музыки.....	43
Дорога ложка к обеду	43
Сказочка на ночь.....	44
Оптимизм	44
Рационализаторское предложение.....	44
Удовольствие поболеть.....	45
Взгляд из будущего.....	45
Отпуск	46
Плач донны Анны на краю книжного шкафа.....	46
Ревность	47
Муки творчества	48
Конец пирата.....	48
Пробуждение.....	48
Чёрное настроение	49
Осторожно!	49
Муза	50
Счастье	50

На первой странице обложки – рисунок Надежды Шишкиной
Тираж 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»